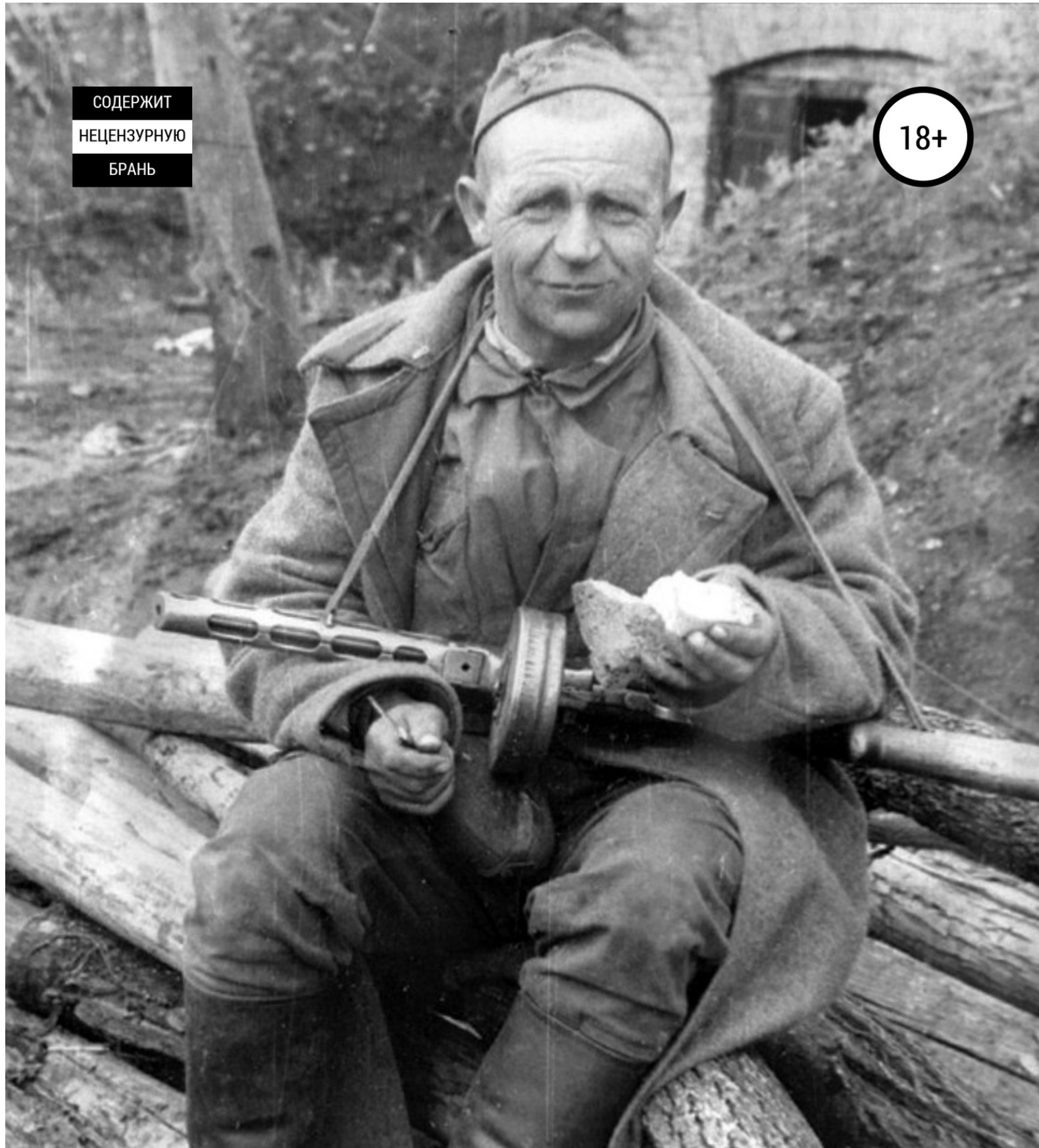

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

ЭХО ВОЙНЫ

Валерий Ковалев

Эхо войны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ковалев В. Н.

Эхо войны / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Рассказы и воспоминания участников трех войн - Великой Отечественной, афганской и холодной. Очерки, эссе, размышления. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Эхо войны

«Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах прочитаете как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы».

(Николай Майоров)

Обида

После увольнения из органов госбезопасности я некоторое время служил прокурором города Первомайска, что на Луганщине.

Он был вполне обычным для старого Донбасса, с той лишь разницей, что имел еще два города районного подчинения – Горское и Золотое, а также несколько крупных поселений, расположенных на живописных берегах Северского Донца.

Только что отгремели майские праздники 1988 года, на окраинах буйно цвели сады и под лучами солнца искрилась Лугань, а я сидел в кабинете, изучал очередное уголовное дело и ждал неприятностей.

Что они неизбежны в ближайшие дни, знал по опыту прошлых лет.

Они были не мед, если учесть, что мое назначение в этот город, тогдашний первый секретарь горкома партии с нарицательной фамилией Плахотченко встретил «в штыки» и заявил, что он со мной не сработается. Почему, отдельный разговор.

Спорить с Юрием Павловичем я не стал и вскоре уличил его в хищениях и взятках, за которые совсем недавно поплатился его предшественник на этом посту вместе с председателем горисполкома.

В обкоме поднялась шумиха, но пришлось согласиться. Причем рычать на меня не стали, к тому были основания.

В город примчался его второй секретарь с ласковой фамилией Зверев и предложил дилемму: я не возбуждаю дела по их ставленнику, чтоб не шокировать ЦК Украины, а они разбираются с Плахотченко на месте, «по тихому».

В Малороссии есть хорошая пословица: «Нэ буды лихо, пока тыхо». Будить его я не стал, ибо уже имел некоторый опыт по аналогичному делу в этом же городе, где раньше работал помощником. Свалка была страшная, с публикациями в «Правде» и наездами парткомиссий самого высокого уровня.

В итоге, проворовавшиеся партийно-советские лидеры закончили весьма плачевно, а спустя некоторое время прокурора и начальника милиции, вновь назначенный Плахотченко, «размазал по стенке» не без участия обкома.

Со Зверевым мы встретились в «белом доме» и беседа напоминала торг.

Не зная всех материалов, Рид Петрович старался подешевле купить голову первого секретаря, а я подороже ее продать. Но, как нас учили когда-то, для таких случаев, я «держал камень за пазухой».

У меня были с собой еще кое-какие материалы, касающиеся уже непосредственно обкома и секретаря «скис».

Плахотченко сняли с должности, наказали по партийной линии и сослали помощником директора на одну из шахт области, где я, кстати, в свое время работал горным мастером. На прощание он вернул городу все, что украл.

Но вернемся к тому, чего я ждал – депутацию ветеранов Великой Отечественной войны.

Каждый год, через несколько дней после праздника Победы, они неизменно посещали прокуратуру и учиняли мне разнос. Затем писали жалобы в различные инстанции на прокурора – держиморду.

Наезжали кураторы и начинали брюзжать, требуя удовлетворить петиции фронтовиков. Им предъявлялись материалы имеющихся проверок, которые, как водится в таких случаях, находили поверхностными, о чем докладывали наверх.

Меня вытаскивали туда и «драли», о чем сообщали ветеранам. И так каждую весну, до начала полевых работ. Они благостно действовали на стариков, которые начинали в меру сил копаться на своих участках и забывали о моем существовании. До новой весны.

А дело было в следующем.

Еще с екатерининских времен местное население селилось по берегам Северского Донца по признаку достатка. На правом, высоком, с плодородными землями и сосновыми борами – как водится, богатые, по местному «кугуты»*, на левом, пологом и песчаном – беднота, по местному «незаможники». Так и жили, целыми родами, со своими церквями, школами и кладбищами.

Правобережные в большинстве служили в Войске Донском, имели обширные земли, стада и пасеки; левобережные работали на шахтах и разводили на песке бахчи.

Когда началась Гражданская война, первые, как и следовало ожидать, оказались в казачьих сотнях Каледина, Деникина и Махно, а «незаможники» вступили в красногвардейские отряды Буденного, Пархоменко и Щорса.

После ее окончания, оставшиеся в живых бойцы, вернулись в родные села Крымское, Нижнее и Калиново, где вновь расселились по тому же принципу.

Грянула Великая Отечественная и мужская часть левобережья этих сел, влилась в Красную Армию, которая с боями оставила Донбасс.

Правобережные же дождались «освободителей», многие из них вступили в полицию и карательные отряды, которые зверствовали в наших местах не хуже своих новых хозяев.

В 1943 году Донбасс освободили и часть изменников, вместе с фашистами, покатила на запад. Оставшихся же отловили «СМЕРШ»* и местные органы НКВД и, расстреляв наиболее замаравших себя кровью, остальных отправили «до далёких таборив».

Закончилась война. Крымские, нижнянские и калиновские фронтовики вернулись в родные места. А в середине 50-х, туда же стали возвращаться и отбывшие свой срок предатели.

В это время по ранее оккупированным областям России еще катилась волна громких процессов над бывшими карателями, которая не минула и наши края.

Затем все затихло и только время от времени, далекими зарницами войны мелькали в газетах все более редкие сообщения об осуждении очередных, долгое время скрывавшихся предателей.

Время лечит. Но не все.

К моменту моего повествования, в городе насчитывалось более тысячи фронтовиков, и несколько десятков бывших изменников.

В подавляющем большинстве жили они в тех же родовых селах, что и раньше. И вражда не затихала.

Изломанные войной, тяжелым послевоенным трудом и не особо обласканные привилегиями фронтовики, люто ненавидели «искупивших вину».

Сначала те сидели тихо, но по прошествии времени, оклемавшись от лагерной баланды, нарожав детей и получив пенсии, стали понемногу нагнать. В различные инстанции полетели их прошения о реабилитации, а порой и получении статуса участника Войны, причем не только у нас, а по всей Стране.

И самое интересное то, что они порой удовлетворялись.

К счастью, в то время еще были живы многие военачальники, которых возмутило подобное кощунство, и не без их участия, военные комиссариаты Министерства Обороны, в СССР осуществили перерегистрацию оставшихся в живых фронтовиков.

Она выявила немало примазавшихся к их славе подлецов, которых лишили почетного статуса участника Великой Отечественной войны. Но, по – видимому, не всех.

Я сам знал такого «ветерана», который уклонился от призыва и всю оккупацию просидел по вдовьим погребам, а затем оказался участником множества сражений в местах, где никогда не бывал. Причем боевых наград имел до пупа.

Впоследствии оказалось, что на освобожденной территории он возил одного очень крупного правоохранителя, который и помог дезертиру стать героем войны.

Вот таких деятелей и бывших пособников фашистов, осужденных по их мнению не за все злодеяния, и отыскивали наши Первомайские ветераны.

Заводилой у них был здоровенный дед, с протезом вместо ноги и увесистой клюкой, который воевал в морской пехоте и ко мне являлся в черной мичманке с позеленевшим крабом. Причем только после 9 Мая и в не приемные дни.

Его сопровождал десяток ветеранов при всех регалиях.

Пока вся эта делегация, чертыхаясь и гремя костылями, поднималась на второй этаж, в кабинет заглядывала перепуганная секретарша и сообщала:

– Валерий Николаевич! Знову нижнянские диды прийшли. При медалях. Будэ скандал!

Сначала ветераны заходили к одному из моих помощников, Савицкому, который тоже воевал и дошел до Берлина, командуя артиллерийским дивизионом, и поздравляли его с Днем Победы.

Затем, поговорив с ним о жизни, просились на прием к прокурору.

Илья Савельевич появляется в кабинете, присаживается у стола и молча смотрит на меня. А я на него, зная, что за этим последует.

– Валера, нужно принять, – душевно произносит он.

Кого, уточнять не приходилось, ибо это повторялось из года в год, с завидным постоянством.

– Илья Савельевич, дорогой, не могу, не приемный день, тем более, сейчас задержанных на «санкцию» привезут.

– Ничего, подождут, у них срок все равно идет, в крайнем случае, Николай Иванович арестует. Надо принять, надо, ведь у тебя самого отец фронтовик.

– Они ж снова будут орать, чтоб посадил нижнянских полицаев, да еще крымских и калиновских в придачу, а те уже все сидели, пусть лучше едут к Славяносербскому прокурору. Это пограничная территория.

– Не будут, просто хлопцы хотят тебя поздравить и поговорить.

– Как в прошлый раз? Чуть голову костылем не проломили! Да потом же на меня еще и жалобу накатали, в области объяснялся.

Савицкий начинает тяжело сопеть, багроветь и я сдаюся.

– Ну, вот и добре! – радостно восклицает он. – А если начнут бузить, ты крикни, я их успокою. Хлопцы, заходьтэ!

Старики неспешно появляются из приемной и чинно рассаживаются на стульях, звеня медалями.

Илья Савельевич с чувством выполненного долга благодушно крякает и исчезает.

– Витаемо вас зи святом товариш прокурор. Давно нэ бачились, як життя? – начинает моряк, благодушно на меня посматривая.

– Спасибо отец, и я вас поздравляю, пока работаю.

– Я бачу ты вже майор? – кивает на мои петлицы младшего советника, – мабуть за Плахотченка дали? Поганий був сэкрэтар. Ворюга.

– Поганий, – соглашаюсь я, – но не за него.

Затем следуют еще несколько вопросов от других ветеранов, но я понимаю, что они пришли не с этим и настоящий разговор впереди. Так и получается.

– А мы до вас с заявой, – хмурится моряк и вытаскивает из кармана несколько исписанных листов.

– Ось тут! – сжимает их в кулаке, – хвакты про зрадныка, та ще якого!

Я открываю рот, пытаюсь возразить, что по нижнянским или калиновским полицаям жалобу принимать не буду, но он опережает меня.

– Вин нэ наш, нэ з Нижнього, то шавки, а цэй був нимэцьким ахвицэром, тут, у Первомайську, в сорок другому роци.

Далее последовал рассказ, который заинтриговал меня, поскольку сопровождался серьезной фактурой и походил на правду.

Из него следовало, что сразу же после отступления наших войск в 1941 году, на территории Первомайска, который тогда еще не был городом и относился к Попаснянскому району, дислоцировалась крупная немецкая часть. С первых же дней оккупации, хозяйственные немцы стали вывозить из района запасы зерна, оборудование и скот, а затем восстанавливать затопленные шахты. Для этого создали так называемый дирекцион, что-то вроде административного управления, который в 1942 году возглавил офицер в чине обер – лейтенанта, отлично говоривший на русском языке.

Под его руководством, на Попаснянском железнодорожном узле были сформированы и отправлены в Германию несколько эшелонов с продовольствием и молодежью, а согнанное на шахты местное население занялось их восстановлением. Затем немцы отступили, война закончилась, и в городе вновь появился этот же офицер, но уже в форме советского майора.

О нем бдительные граждане сразу же сообщили органам НКВД, но те, пообещавшись с майором, его отпустили, а заявителям порекомендовали поменьше болтать. Мол, обознались.

Но отчуждение не проходило. Чужак, а он был родом не из наших мест, устроился заместителем главного энергетика на завод имени Карла Маркса и поселился в выделенной ему администрацией половине «итээровского» домика, в старой части города. Жил отшельником и вне работы практически ни с кем не общался. Его часто видели с удочкой на Лугани, или на курганах в степи, где он собирал дикие травы.

Шли годы, и в каждый из них, 9 Мая над Страной гремел салют Победы. Во всех больших и малых городах чествовали ветеранов, но этого человека никогда не видели среди них.

Не ходил он и в военный комиссариат, где фронтовикам вручали юбилейные медали. Их возили ему на дом. Он брал, но никогда не благодарил, оставляя в недоумении очередного работника военкомата.

Так и жил. Затем вышел на пенсию и стал еще нелюдимей.

– И шо ты на цэ скажешь?! – возмущенно тряс бумагами побагровевший моряк.

– Тут у сорок другому вин був? Був. Фашистьску форму носыв? Носыв. Людей до Нимеччины видправляв, на шахтах робыты прымушував. У нас цилый лист свидкив, ще не вси померли!

– Це так, товаришу прокурор, – вмешивается в разговор самый щуплый из ветеранов, – вин, курва, мэнэ з сестрою эшеленом у Нимеччину видправляв! Слава Богу шо нэ дойыхалы, пид Дебальцевом партизани охорону повбивалы и нас звильнылы.

– Помовч, Пэтро, нэ встрявай! – обрывает его моряк.

– Микола, – обращается он к сидящему рядом усатому старику, – ты у нас ахвицэр, доклад дальше, бо я начинаю нервничать.

Я с опаской поглядываю на костыль моряка.

– Так, значит вот, – тихо вступает в разговор Микола, – были мы на днях у военкома, и он показал нам анкету из личного дела Квитко. В ней значится, что тот родом из-под Харькова, где перед войной закончил педагогический институт. Потом был призван в РККА и участвовал в финской кампании. Еще есть записи, что войну начал лейтенантом, командиром стрелкового взвода и закончил в Бреслау, майором при штабе армии. Имеет ранения и медаль «За победу над Германией». Все.

– Ну и что здесь такого? – удивляюсь я.

– Э-э, сынок, не скажи, – отвечает старик, – я сам был «ванькой-взводным» до Сталинграда, пока не списали в чистую, – показывает беспалую руку. Награждали не густо, но чтоб наш брат, взводный, всю войну прошел и не имел боевых наград? Такого не может быть, что-то здесь не чисто. К тому же он беспартийный. А на таких должностях, без партбилетов при штабах фронтов не держали, поверь мне.

Его бурно поддерживают все присутствующие и начинают «заводиться».

– Тыхо! – рякает на них моряк и стучит клюкой в пол. – Разоралась, бисова пехтура! Шо вам тут, шалман?! Те затихают.

– Значыть так, сынку, – он тяжело встает, подходит к столу и кладет на него свои бумаги, – ось тоби наша заява, пэрэвирай.

И досконально, цэ нэ якись полицаи, цэ скрытый ворог. Трэба з ным кинчать. Бо поймы-дымо до областного прокурора и в обком, у нас тэпэр свий транспорт, Мишку совбес выдав «Запоржця».

– Мишко, бисова душа, кончай спать! – орет он на грузного деда, мирно посапывающего в уголке, – як же ты нас у Луганськ повэзэш, повбываешь на Бахмутке!

Я в это время бегло просматриваю исписанные крупными каракулями листы «заявы», прикидывая, как бы сбавить ее «смежникам».

– Иван Карпович, – обращаюсь я к усевшемуся уже к приставному столу моряку и чуть отодвигаюсь от своего, – а может Вам с этим заявлением лучше в горотдел КГБ обратиться? Оно больше по их части. Я позвоню полковнику Швачке.

– Ни. Там мы булы. У прошлomu роци по полицаям ходылы. Воны, курвы, сказали шо тилькы шпыгунамы займаються, идить мол диды до прокурора, у нас дела поважнее. И яки там дила? Тики горилку жруть и дивчат до сэбэ водять. Цэ нэ СМЕРШ, чув про такый?

– Доводилось.

Во – во. Ти хлопци усих ловылы. Стрилялы падлюк на фронти и у тылу. Тилькы тырса лэтила. А ци – йдить до прокурора! Ну, мы у тэбэ писля ных трохи и погомонины. Так, що звыйнай. А заяву пэрэвир и щоб цэй гниды у городи и ноги нэ було.

Я прощаюсь с фронтовиками за руку, и они уходят. Некоторое время тупо сижу за столом, осмысливая услышанное.

Затем закуриваю и подхожу к окну, наблюдая, как старики спускаются с крыльца. У него стоит «черный ворон» из которого выгружают нескольких рецидивистов в наручниках. Ветераны останавливаются и наблюдают, как конвой сопровождает их в прокуратуру.

– А цим блатнякам, чого нэ хватае?! – слышу я бас моряка, и вся группа удаляется в сторону собеса. «Поздравлять» председателя.

Я вызываю секретаря и прошу ее зарегистрировать оставленные фронтовиками бумаги.

– Как жалобу?

– Нет, как заявление о преступлении.

– Цього диды я знаю, – хлопает она ресницами, – знову будэ свалка. А кому розпышытэ?

– Сам займусь. Иди.

Затем звоню Судье. Это фамилия нашего военкома. Полковник на месте и мы договариваемся о встрече в комиссариате после восемнадцати часов.

Из-за ветеранов весь рабочий график полетел к черту и начинается дурдом.

Оказывается зам срочно выехал на какое – то убийство и все это время «зак» стоял у прокуратуры, а задержанные дурели в нем от жары.

Это сразу же аукнулось. Они распахивались и отказались признать свою вину в разбое. Всех арестовал – их взяли с поличным, и орущих парней поволокли из кабинета.

Не успели затихнуть их маты – позвонил председатель суда и сообщил о внеплановом деле. Забыли уведомить, нужен государственный обвинитель. Полаялись. Все «судебники» были в разгоне, послал молодого следователя. А у того допрос насильника, срывать нельзя. Допросил сам.

Затем стал печатать обвинительное по находящемуся в производстве делу – не дали. По прямому позвонил Первый. Ветераны «поздравили» собес, рассердились и теперь мордовали партийного лидера.

Тот стал ныть, «чтоб принципиально разобрался с их обращением и «проинформировал». Заверил, что все сделаю.

После приехали зам по оперработке Толя Пролыгин с начальником БХСС и стали кланчить заочную санкцию на обыск у кого-то из торгашей. Не дал, оказалось мало фактуры. Обиделись.

Короче, до восемнадцати часов я был в мыле, но по своему родному уголовному делу в отношении начальника городского торгового дома, так ничего и не сделал. А это было «чревато». Оно стояло на контроле прокуратуры республики и оттуда уже дважды звонили. Могли потащить «на ковер» в Киев, на улицу с недвусмысленным названием Ризныцька, 13. А там пустить кровь. За делом просматривался обком и облажаться было нельзя.

Без четверти шесть вечера, голодный и злой я запихал бумаги ветеранов в папку и вышел из прокуратуры.

Напоследок «обрадовал» водитель, который копался у гаража в двигателе служебной «Волги». Он сунул мне в нос какую – то железяку и заявил, что ехать не может, «аппарат» сломался.

Я злобно выругался, плюнул и поплелся к военкомату пешком через парк, так было ближе. По дороге вспомнил, что не ел и наскоро перекусил в ближайшем кафе.

В комиссариате было прохладно и пусто. За стойкой дежурного мирно дремал пожилой прапорщик, весом с центнер, который при моем появлении проснулся и хмуро поинтересовался, – кто я и к кому?

Представился.

– Будь ласка, проходите, товарищ полковник ждут.

Комиссар сидел в своем кабинете, больше похожем на военный музей, и читал «Красную Звезду». Отношения у нас были самые доброжелательные, поскольку каждый год, во время призыва в армию, мы помогали военкоматовцам отлавливать «уклонистов».

После взаимных приветствий, присев к столу, рассказываю Судье о встрече с ветеранами и даю прочесть их заявление.

– Что ж, тут все абсолютно правильно изложено. Меня самого очень интересует этот человек, очень уж странная у него послужная анкета, да и поведение вызывает недоумение. Я здесь пятый год, и за все время Квитко ни разу не приходил в военкомат.

Не бывает он и на торжественных встречах с ветеранами ни у нас, ни в доме культуры. Все юбилейные награды возим ему домой, сам за ними не является. Даже когда к сорокалетию Победы фронтовикам вручали «Ордена Отечественной войны», не пришел. Орден отвозил ему на дом мой заместитель.

– А вы не пробовали выяснить, почему так получается? С ним побеседовать, с людьми поговорить, наконец, запросить дополнительные сведения из военных архивов?

– Пробовал, и не только я. Этим вопросом занимался еще покойный военком, полковник Подвальный, вы его знаете, дело вели по факту его гибели.

Ну, так вот. Он посылал запрос в центральный архив Министерства Обороны в Москву. Оттуда пришел ответ, подтверждающий сведения, имеющиеся в послужном списке Квитко. За одним исключением. В 1945 в Германии, уже в звании майора, он был исключен из партии и находился под следствием. Вот и все.

– Хорошо, что вы не показывали этот документ ветеранам, он, прямо вам скажу, не проясняет, а запутывает всю историю.

– Почему и не показал. Да еще эта служба в немецком дирекционе, – хмурится полковник. Я съездил в Нижнянский и Золотовсий поссоветы, поговорил там со стариками, они в один голос заявили, что начальником дирекциона был именно Квитко. То же самое многие говорят и в Первомайске.

Я, Валерий Николаевич, что думаю. Или он был военным разведчиком и находился в городе с заданием, а потом в конце войны попал в какую-то «историю» или... ну вы сами понимаете. Только непонятно, зачем он тогда сюда вернулся? И как его «просмотрели» органы? Я, кстати, встречался по этому поводу с Попаснянским начальником райотдела КГБ, они тогда обслуживали и Первомайск. Тот сказал, что на Квитко по их линии ничего нет.

Вот и гадай, после всего этого, что он за человек. И правильно наши деды стучат костылями. Им правду подавай.

Ты знаешь, сколько липовых участников войны «вычистили» перед сорокалетием Победы только по нашему городу? Несколько десятков. Вот тебе и правда. С каждым годом фронтовиков по Стране умирает все больше, а общее число не снижается. Как это понимать? А льготы мизерные, стыдно говорить, и те получается, отнимали у настоящих, и давали примазавшимся.

Так что, здесь аккуратно разбираться надо, по вашим каналам. Мои исчерпаны. И выходить советую не на Министерство Обороны, а непосредственно на его архив в Подольске. Вот адрес.

Полковник достает из лежащей на столе папки лист бумаги и передает мне.

– Я в прошлом году дважды направлял туда запросы, но ответа так и не дождался. И знаю почему, их тысячи, не успевают исполнять. Вам ответят быстрее. И, кстати, советую обратиться в наш городской отдел КГБ, к Швачке. Часть попаснянских архивов у них.

– А это личное дело майора запаса Квитко. Достает из стола тонкую глянцевую папку с трафаретной звездой и надписью «Министерство Обороны СССР» в верхней части.

Такие дела мне уже доводилось листать, когда шла «чистка» ветеранов и некоторые из них обращались с жалобами на решения военных комиссариатов о лишении этого статуса. Случаев, чтоб они были неправомерными, в своей практике не припомню, но допускаю и такое.

Открываю папку.

С выцветшей от времени анкеты, на меня смотрит молодой светловолосый офицер с пронзительными глазами и с двумя кубиками в петлицах. Ниже, выполненные от руки потускневшими чернилами, записи в графах.

Из них следует, что Андрей Иванович Квитко, родился в городе Изюме Харьковской области в 1915 году, закончил педагогический институт и работал преподавателем немецкого языка в одной из сельских школ.

Далее идут записи о его участии в войне с белофиннами и Великой Отечественной. Первая офицерская должность – командир взвода, датирована летом 1941, последние – командир роты и старший офицер штаба армии Южного фронта, сорок третьим и сорок четвертыми годами. В графе «награды» – медаль «За победу над Германией» и все последующие юби-

лейные награды. Короче, все именно так, как и рассказывали ветераны, с незначительными подробностями.

Листаю дальше: справка о демобилизации, выписки из военного билета, краткая автобиография, различные документы для оформления удостоверения Ветерана войны.

Стоп! Две справки из эвакогоспиталей, подтверждающие факты ранений на фронте, датированные после сорок третьего года и заключение медицинской ВТЭК, что с учетом степени их тяжести и последующего освидетельствования, оснований для признания Квитко инвалидом войны, не имеется. И еще формализованный бланк ответа из Попаснянского РО МГБ на имя полковника Подвального, об отсутствии компрометирующих сведений на него.

Завершает все эти бумаги ответ из Министерства Обороны, в котором то, о чем рассказал мне военком – исключен из партии и находился под следствием. За что и по каким основаниям, не указано. Больше ничего, заслуживающего внимания.

– Я не раз изучал все материалы дела, – произносит военком, – они убедительны и не вызывают сомнений. Кроме отсутствия фронтовых наград. При его должностях и ранениях они должны были быть. Разве что лишили, когда исключили из партии или находился под следствием? Но это возможно только по суду или специальному постановлению. Ведь так?

Я соглашаюсь.

– И еще, – продолжает полковник, – он не отрицает, что был здесь в сорок втором и руководил дирекционом.

– Как?!

– Был. Сам подтвердил. Разве ветераны вам ничего не сказали?

– Нет. Они правда на приеме здорово горячились, может забыли?

– Ну, так слушайте. Накануне этих праздников горисполком организовал каждому фронтовику по три тонны угля, поскольку большинство из них живет в частном секторе. Требования на него нужно было получать в объединении, о чем мы известили всех ветеранов. Там Квитко и столкнулся с несколькими из них, которые сегодня были у вас.

Слово за слово, начался скандал, они обозвали его предателем и потребовали, чтоб рассказал, чем занимался в 1942 году в наших местах. Тот вспылil, заявил, что это не их собачье дело и ушел.

– М-да, – пробормотал я, – чем дальше в лес, тем толще партизаны.

– Какие еще партизаны? – не понял военком.

– Да это я так, к слову. Вы, пожалуйста, дайте команду, чтоб из дела сняли для нас копии всех документов, я пришлю за ними следователя. Будем готовить запрос в Подольск и опросим людей. А там посмотрим.

Из военкомата вновь возвращаюсь в прокуратуру и допоздна занимаюсь со своим уголовным делом.

На следующий день организовываю проверку заявления и вместе с одним из молодых работников мотаюсь по кругу Первомайск – Горское – Золотое. К концу дня у нас копии документов из военкомата, характеристики на Квитко с его прежней работы и по месту жительства, справка из объединения «Первомайскуголь» о времени восстановления в период войны затопленных шахт, а также пара десятков объяснений граждан, поименованных в заявлении.

Вырисовывается следующая картина.

В период оккупации, немецким дирекционом на территории района были восстановлены несколько шахт, одна из которых работает и поныне. Отправкой рабочей силы, продовольствия и оборудования в Германию фигурант также занимался, и немецкого обер – лейтенанта, похожего на Квитко, часто видели на шахтах, железнодорожном узле Попасная и в вагонном депо. Принимал ли он участие в карательных операциях, жителям неизвестно.

Самое интересное то, что слов некоторых из них, многие эшелоны с продовольствием и оборудованием, на территории области пускались под откос и в Германию не попадали.

Не были по каким-то причинам взорваны немцами и находящиеся в стадии восстановления шахты.

И это при всем том, что партизанских отрядов в нашей степной местности не было, а созданное перед отходом Красной армии подполье, в первые же месяцы оккупации фашисты выявили и уничтожили.

Со следственными материалами в этой части, я в свое время знакомился в архиве прокуратуры области и поражался, насколько же они не соответствуют всему тому, что впоследствии написал в «Молодой гвардии» А. Фадеев.

Кое-что становилось ясным, необходимы были дополнительные сведения из Министерства Обороны и помощь «смежников».

Мотивированный запрос в Подольск, с интересующими нас вопросами, мы подготовили вместе с Савицким, а вот в горотдел КГБ я обращаться не стал. Дело в том, что в период следствия в отношении партийно-советских лидеров нашего города, уличенных во взятках, а затем проверки аналогичных материалов по пришедшему им на смену Плахотченко, местные чекисты, звавшие обо всех их «художествах», не только не помогли нам, но даже «ставили палки в колеса».

Я поступил проще – связался со своим давним приятелем, который работал «направленцем» в областном УКГБ и заручился его поддержкой.

Когда наш запрос ушел в Подольск, он продублировал его по своим каналам в Москве.

Не знаю, что сыграло свою роль – бланк прокуратуры или содействие КГБ, но оттуда довольно быстро пришел ответ. Он был ожидаемым.

В документе значилось, что с первых дней войны, Андрей Иванович Квитко был военным разведчиком, сначала штаба дивизии, а затем одной из армий Южного фронта, части которого освобождали Донбасс. Награжден тремя орденами «Боевого Красного Знамени», орденом «Красной Звезды» и медалью «За победу над Германией». По вопросу нахождения его под следствием и исключения из партии, дополнительными сведениями архив не располагал и рекомендовал обратиться в Главную военную прокуратуру.

Все стало на свои места.

Давать запрос в военную прокуратуру мы не стали и проверку заявления на этом, решили прекратить.

Оставалось главное. Пригласить Квитко и получить от него объяснение, таков был порядок.

Я надеялся, что в беседе ветеран более подробно расскажет о своем боевом пути и прольет свет на оставшиеся невыясненными вопросы.

Ошибся.

Это я понял сразу, как только он вошел в кабинет. По глазам. Они были такими же жесткими, как на старой фотографии в личном деле.

Разговор был коротким.

– Андрей Иванович, я приношу Вам извинения от себя лично и городского Совета ветеранов войны. Мы во всем разобрались.

Он долго молчал и пронзительно смотрел мне в глаза.

Затем встал и бросил только одну фразу: «Мне это уже не нужно».

И ушел. Так и не простив.

А вскоре умер.

С почестями похоронен на старом Первомайском кладбище и забыт. Как многие солдаты Великой Отечественной, о которых мы так ничего и не знаем...

Три встречи

Эту историю рассказал мне отец, который прошел две войны и лагерь «Дальстроя».

Весной 1942 года их артиллерийский полк вел бои на Северо-Западном направлении, неся тяжелые потери. В то время он был старшиной и командовал орудийным расчетом. Командование их батареи получило приказ выдвинуться в район одного из населенных пунктов, закрепиться на окраине леса и ждать подхода основных сил полка.

Переход осуществлялся ночью, на конно-тракторной тяге и к утру артиллеристы вышли в заданный район. На месте селения торчали только остовы печных труб. Его накануне разбомбила немецкая авиация.

Батарея миновала пожарище и, проследовав по проселку еще несколько километров, остановилась на лесной опушке. Орудия привели в боевую готовность, трактора загнали в глубь леса, выставили охранение и уснули мертвым сном.

Ни на следующий день, ни ночью, полк в расположении батареи не вышел – в той стороне, откуда она пришла, полыхало небо – шел бой.

За это время артиллеристы зарыли орудия в землю и даже выкопали небольшую землянку для комбата.

Вторые сутки люди ничего не ели и практически валились с ног.

Нужно было что-то делать.

Поскольку отец был один из немногих оставшихся в батарее «кадровиков» и воевал еще с финской, комбат вызвал его в землянку, где состоялся следующий разговор.

– Послушай, старшина, батарейцев нужно кормить, еще сутки и они не то, что стрелять, ходить не смогут. Бери свой расчет, сажай на повозку и ищи деревню. Без харчей не возвращайся – застрелю.

С комбатом я отступал еще с Карачева, от западной границы и знал, что он не шутит. Старший лейтенант был дважды контужен, легко приходил в бешенство, да к тому же был южных кровей – крымский татарин, по фамилии Нургалиев.

Еще через час, посадив солдат на повозку, я покатил по лесной дороге на восток. Ближайшая деревня, судя по карте комбата, располагалась в десятке километров от нас. Ребята в расчете у меня были надежные – трое с Донбасса и двое ростовчан, причем один бывший вор.

У меня с собой были наган и ППШ, а у хлопцев карабины. Примерно через час лес закончился, мы выехали на рокадную дорогу и увидели стоящий на обочине танк. Это была тридцатьчетверка, с открытым башенным люком из которого слышались звуки разухабистой песни «Три танкиста».

Повозка уже почти миновала ее, когда один из ростовчан заметил здоровенную свинью и несколько металлических канистр, прикрученных тросом к корме машины.

– Ты дывысь, Микола, танкисты гуляют, – завистливо произнес он, – може попросым у хлопцев трохи кнура?

Остальные вопрошающе уставились на меня. С танкистами нам приходилось иметь дело, и мы знали, что ребята они нервные. Но чем черт не шутит? К тому же до деревни было еще далеко и неизвестно, что нас там ждет. За лесами гроыхало так, что лошадь беспрерывно прыдала ушами и временами испуганно ржала.

Приказав расчету на всякий случай приготовить оружие, я спрыгнул с повозки и направился к танку. Он выглядел не лучшим образом – закопченный, со следами пуль и осколков на броне и сползшей на землю гусеницей.

– Эй, земляки! Постучал прикладом по борту. Никакой реакции. Снова постучал, уже сильнее. Из башни появилась голова в танкистском шлеме.

– Тебе чего?

– Спустись вниз, поговорить надо.

Чертыхаясь, танкист спустился на землю. Был он невысокого роста, в замасленном комбинезоне и изрядно пьян. Половина лица обожжена, походя на маску.

– Ты из рембата? – спросил меня икая

– Нет, я из артбатареи. Слушай, друг, наши люди вторые сутки не кормлены, а у тебя целая свинья на танке. Выдели немного.

В это время открылся люк механика-водителя и оттуда выползли еще двое в таком же состоянии, как и первый.

– Да гони ты его, Володя! – заорал один из них, – эти пушкари только и умеют, что драпать да шмалять по своим с перепугу!

Володя пару минут что-то осмысливал, затем отрицательно покачал головой и прохрипел, – не дам, валите отсюда.

– Очень тебя прошу, а мы вам поможем трак заменить, – кивнул я на гусеницу.

– Я сказал, валите! – внезапно взъярился танкист и потянул из кобуры ТТ.

Зная по опыту, что за этим может последовать, я ткнул его автоматным прикладом под дых (танкист сложился надвое) и приказал набежавшему расчету вязать остальных. Через несколько минут весь экипаж лежал на траве и злобно матерился.

– Там, в танке, должен быть еще четвертый, разберитесь с ним, – бросил артиллеристам. Двое нырнули в люк, затем выбрались обратно и сообщили, что четвертый танкист вообще лыка не вяжет и спит на перине.

– У них там патефон, жратва и канистра спирта, старшина, – сообщил один из них, – забрать?

– Оставь! Быстро загружайте свинью на повозку и убираемся отсюда.

Через несколько минут, взвалив здорового хряка на телегу, а заодно прихватив и пару притороченных к танку канистр, в которых тоже оказался спирт, мы помчались назад, настигая своего савраску.

К ночи батарея была накормлена, и каждый солдат получил по сто граммов спирта.

Половина кабаньей туши была спрятана в ближайшем бочаге, а канистры с питьем закопаны в землянке комбата.

Каким образом «добыли» мы все это, я скрывать не стал, и старший лейтенант меня особо не журил. Главное, наши люди были накормлены и готовы принять бой. А он явно назревал. Громыхало все ближе.

– Ты, вот что, старшина, установи пока свое орудие на прямую наводку в кустах у КП. На всякий случай, танкисты могут за кабаном приехать, – многозначительно изрек комбат. И как в воду глядел.

На следующее утро наблюдатели доложили, что по лесной дороге, в нашу сторону движется одиночный танк. Тридцатьчетверка.

– Ну, вот и гости пожаловали, – наблюдая за ним в бинокль, хмыкнул Нургалиев. – Готовь свой расчет. На всякий случай.

Я приказал зарядить замаскированное в кустах орудие.

Метрах в ста от батареи, танк взвыл и, не глуша мотора, остановился.

Башенный люк откинулся и на землю прыгнул уже знакомый мне танкист. Теперь он был в полевом обмундировании с погонами старшего лейтенанта и с болтающейся на запястье руки плеткой.

Нервно похлестывая ею по сапогу, офицер хмуро оглядел батарею и проследовал в землянку комбата. Вслед за ним туда же нырнул и мой командир взвода.

О чем шла беседа, догадываться не приходилось. Мат офицеров доносился до расчета, и обстановка в землянке явно накалялась.

Затем из нее выскочил сопровождаемый комбатом старлей, который бесновался и орал, что закатает батарею в землю.

– Нургалиев взмахнул рукой в нашу сторону, расчет тут же разбросал маскировавшие орудие ветки.

– Будешь плоха себе вести, расстреляем твою коробку, – гортанно произнес он, обращаясь к танкисту.

Тот мгновение смотрел на оружие, а затем, увидев меня, хищно оскалился и прохрипел, – да вот же этот рыжий, что ж ты мне комбат «вола крутишь»? И тоже махнул рукою.

На танке тяжело заворочалась башня, и пушечный ствол уставился на наш КП. Грозно и решительно.

Чем бы все это закончилось, сказать трудно, но разрядил ситуацию мой командир взвода.

В этот самый момент младший лейтенант появился из двери землянки и, углядев вращение башни, с воплем рухнул на землю, закрыв голову руками.

– А суки! Трухаете?! – радостно заорал танкист, – давай сюда этого рыжего, комбат, а то и эта хлопущка не спасет! – махнул плеткой в сторону оружия.

Пришлось идти.

В землянке он еще немного поорал, затем чуть подостыл и спросил, откуда я родом.

– Из «Серго», с Луганщины.

– Все ясно, у вас там вся шахтерня бандиты!

– Зачем вы так, товарищ старший лейтенант, далеко не все.

– Все! Я сам родом с Макеевки.

Короче помирились. Выпили реквизированного спирта, закусив жареной свининой. Выяснилось, что танковая рота, которой командовалт мой земляк, входит в состав нашей армии и тоже отступает с боями на восток от самого Карачева. На прощание старший лейтенант предложил мне перейти к нему.

– Смотри, ты воюешь с самой финской и имеешь только одну «Отвагу», а у моих ребят их по несколько. Да и меня командование не обижает, – ткнул себя пальцем в грудь, на которой блестяли орден «Отечественной войны» и «Звездочка». Думай, пока я добрый, перевод органирую. И офицеров больше не бей. Это нарушение устава.

Я обещал. Мы обменялись номерами полевой почты и расстались.

Затем война покатила в обратную сторону, и закончил я ее в Восточной Пруссии, в должности командира взвода артиллерийского полка ПВО, куда попал после тяжелой контузии.

К тому времени Нургалиев погиб при освобождении Киева, в боях под которым я потерял весь свой расчет, за исключением одного земляка – ростовчанина.

В Восточной Пруссии мы стояли в городе Бреслау, который взяли с боями уже после падения Берлина.

Была весна 45 -го, на его окраинах буйно цвела сирень, все ходили хмельные от Победы и предстоящего возвращения на Родину.

Офицеры обзавелись трофейной техникой и разъезжали по городу и его окрестностям на всевозможных «Цундапах», «Опелях», «Мерседесах» и даже «Хорьхах». Многие тешились надеждой увезти их к себе домой, как трофеи.

Я такой блажью не страдал, ибо ждал вызова в артиллерийское училище, а туда автомобиль с собой из Германии не погрешь. Не по чину.

Однако мой последний комбат относился к этому вполне серьезно и всячески холил имеющийся у него новенький «Опель-кадет», доставшийся нам после одного боя.

Но вскоре военный комендант Бреслау издал приказ, по которому весь имеющийся в частях трофейный автотранспорт подлежал сдаче. После одной из поездок в штаб корпуса, капитан вернулся в часть без машины – ее изъяла военная комендатура.

Комбат рвал и метал, но делать было нечего, автомобили поотбирали даже у многих старших офицеров.

Прошел слух, что некоторые из них получили свои автомашины назад, послав туда представителей со щедрыми подношениями.

Решил пойти по этому пути и комбат, попросив меня съездить в комендатуру нашей части города, офицеры которой и реквизируют его «Опель». А для общения с ними дал золотой портсигар и хорошие швейцарские часы.

Я приказал своему Мишке – ростовчанину запрячь параконную повозку на резиновом ходу и в его сопровождении отправился в это учреждение.

Оно располагалось недалеко от центра, в трехэтажном здании, окруженном металлической оградой чугунного литья. Весь двор перед ним был заставлен десятками разнокалиберных автомобилей и мотоциклов, а у входа прохаживался часовой с автоматом.

Не зная наверняка, относится ли трофейная повозка к автотранспорту, я не стал рисковать и попросил Мишку остановить ее в соседнем переулке. Затем приказал ему никуда не отлучаться и направился к комендатуре.

Мордастый часовой скользнул по мне взглядом, я вошел в здание и, обратившись к сидевшему за стойкой дежурному офицеру спросил, как попасть к коменданту.

– Его нет, а в чем дело? – недовольно пробурчал тот.

– Я по поводу отобранного у моего комбата автомобиля.

– Ты сегодня уже десятый, лейтенант. Приказ читал?

– Читал.

– Так и вали отсюда. Кстати, ты на чем сюда приехал?

– Пешком.

– Ну, вот и топай назад. Не мы придумали. Приказ коменданта города.

Не солоно хлебавши, я покинул комендатуру и, выйдя за ограду, с досады закурил. Обдумывая, что делать дальше.

– Здорово, ржий! – послышалось за спиной, я обернулся и увидел стоящего перед собой майора.

– Володька, ты?!

Это был мой земляк-танкист из Макеевки, но уже с погонями майора, в отлично сшитом габардиновом кителе с многочисленными орденами на груди и неизменной плеткой в руке. Мы обнялись, а затем долго хлопали друг друга по плечам, радуясь встрече.

– А где ж твой комбат-татарин, поди уже полковник?

– Нету комбата и ребят из расчета нету, полегли под Киевом.

Он на минуту задумался, а затем поинтересовался, – что я здесь делаю?

– Да вот, пытался из комендатуры автомобиль командира вызволить. Не получилось. А ты?

– Тоже сюда, но за своим, у шофера отняли. Я теперь командир танкового батальона.

– А на чем приехал? Смотри, и этот отберут.

– Не отберут, – рассмеялся майор, – вон он стоит. Мой красавец

На ближайшей улице, под старыми липами, стоял танк.

– Ты тут, немного погуляй, я сейчас свой вопрос решу и двинем ко мне, отметим встречу. Мой механик-водитель до сих пор тебя вспоминает и того кабана, что вы увели. Умора!

– А может не стоит? – сказал я, – коменданта на месте нету.

– Ничего, решу с помощником. И направился к зданию.

В это время к воротам подъехал роскошный «Хорьх», из которого вылез толстый подполковник, вальяжно проследовав в комендатуру. Судя по застывшему на месте часовому – то был комендант. Собственной персоной.

Он не спеша поднялся по ступеням и в двери столкнулся с выходящим майором. Володя козырнул и что-то стал объяснять подполковнику.

Тот побагровел, началась словесная перепалка, и комендант попытался нажать кнопку вызова дежурного. Не успел. Майор осатанел и с криком «Шкура!», несколько раз хлестко

перетянул того по горбу. Досталось и опешившему часовому, который с воплями убежал в комендатуру.

Володя же быстро вышел со двора и, проходя мимо, прошипел, – тикай отсюда, Никола. Порысил к взревевшему мотором танку.

Я в другую сторону – в переулок с повозкой.

– Разворачивайся! – пнул задремавшего ездового, и пока он, чертыхаясь, понукал коней, бросил взгляд на площадь перед комендатурой.

А по ней уже грохотал танк.

На секунду притормозив, и высекая искры из брусчатки, он развернулся перед комендатурой, из дверей которой уже выбегал караул и из пулемета дал несколько очередей по окнам. Зазвенели разбитые стекла, внутри кто-то заорал благим матом, и караульные в панике рассеялись. Затем, развернув башню и натужно взыв двигателем, танк проломил заграждение и стал утюжить стоящие во дворе автомобили.

Я быстро вскочил в повозку и, настеживая перепуганных лошадей, мы понеслись в сторону от побоища. Через несколько улиц перешли на рысь, и я предупредил Мишку, чтоб помалкивал о том, что видел. Он понимающе кивнул. Понятливый был малый.

На вопрос комбата, как съездил, я протянул ему часы с портсигаром и сообщил, что коменданта на месте не было, а дежурный меня послал подальше.

– Вот суки, – разозлил капитан, – даже общаться с фронтовиками не желают. Буду обращаться к генералу.

А на следующий день в батарею приехал особист и стал опрашивать офицеров по поводу разгрома комендатуры. Никто ничего не видел...

Наступила осень, и я сам попал в «историю». Сгубила излишняя горячность. Дело в том, что помимо нас в Бреслау стояли части войска Польского, офицеры которых отличались неприязнью к нам, заносчивостью, и на этой почве между сторонами постоянно возникали конфликты. Иногда со стрельбой и мордобоем.

Открылось в городе и много ресторанов с красивыми «паненками», которые с удовольствием посещали советские офицеры. Мы были молоды, прошли войну и имели на это право.

В один из августовских вечеров я, комбат и еще один, только что прибывший в батарею из училища лейтенант, сидели в таком ресторане. Повод был. Я получил орден «Красной Звезды», к которому был представлен еще в 1944 году, за бои за Киев. Решили отметить.

В заведении было шумно, играла музыка, слышался смех женщин и хохот офицеров. В большинстве они были поляками.

Один из офицеров, находящийся в сильном подпитии, шатаясь, подошел к нашему столу и стал браниться. Самыми мягкими его словами были «Пся крев». Началась ссора, он выхватил пистолет и дважды выстрелил в комбата. Третий раз не успел, я проломил ему голову рукояткой его же пистолета.

В зале поднялся шум и визг, откуда-то появился наш комендантский патруль и его начальник – капитан, попытался отобрать у меня оружие. Врезал и ему. Держа на прицеле остальных, мы быстро покинули ресторан и вернулись в часть. Считая, что поступили справедливо.

А на следующий день нас арестовал «Смерш». Пока шло следствие, поляк умер в госпитале, а наш капитан, с украинской фамилией Бондаренко, был признан инвалидом.

Дело вела военная прокуратура, а судил всех троих военный трибунал 10 корпуса ПВО, который 14 ноября 1945 года, по части 2 статьи 74 УК РСФСР определил мне пять лет лагерей со всеми вытекающими последствиями.

Затем был эшелон на Дальний Восток, сформированный из бывших фронтовиков, а после него пароход «Джурма» через Татарский пролив до бухты Ванино. Там нас выгрузили и этапировали в один из лагерей, относившихся к системе «Дальстроя»

Прибывших построили и хмурый майор в белом полушубке и с тростью в руке выступил со следующей речью.

– Я начальник лагеря, майор Дынин! В прошлом командир стрелкового батальона. Вчера вы были солдаты, а сегодня преступники, которые должны искупить вину перед Родиной!

Здесь! – он указал рукой на зону, – всю войну отсиживались воры и блатные. Хотите выжить – заставьте их работать! Как – ваше дело. Администрация вмешиваться не будет.

После этого нас развели по территории лагеря и поселили в несколько пустующих бараках.

Ночью меня разбудили. В проходе стояло несколько человек и один из них, в бурках и полушубке произнес, – здорово, рыжий! Вот так встреча. И обнял меня. Это был Володя.

Он попал в этот лагерь в августе, получив за разгром комендатуры семь лет и работал в клубе «придурком». С ним были еще несколько бывших офицеров, которые и ввели нас в курс дела.

Зона считалась «воровской», а верховодили в ней воры. Тогда на Колыме уже начиналась война между ними и бывшими фронтовиками, которых гнали сюда эшелонами.

В этом лагере пока было тихо – до нашего прибытия.

За месяц зона из «воровской» превратилась в «красную».

Ночами, прихватив ломы и «фомки», мы вламывались в бараки, где жили воры с блатными и убивали их. Администрация не вмешивалась. А некоторых заставляли работать.

Делалось это следующим образом.

В наши группы входили так называемые «суки», бывшие воры, которые добровольно ушли на фронт из лагерей, а потом вновь попали туда.

Мы заходили в барак, будили заключенных и кто-нибудь из авторитетных в прошлом «сук» подходил к местному «законнику» и бросал перед ним кайло.

– Бери.

Если тот брал, считался «посученным» и обязан был работать вместе со своими шестерками.

Если нет, «суки»* вешали его на обмотках, а шестерок мы пороли ломami. Так и воспитывали.

Еще через некоторое время многие бывшие офицеры и я в их числе, были назначены «придурками»* и руководили бригадами заключенных на лесоповале.

Затем Володю и часть фронтовиков отправили в колымские лагеря, где вскоре случилось восстание. По слухам, руководил им какой-то майор. Кто он был, мы так и не узнали.

В октябре 1950 я освободился из лагеря, в 1953 был реабилитирован и восстановлен в партии.

Многое забылось. Но часто майскими вечерами, после дня Победы, накатывают воспоминания. Кажется стукнет калитка, он войдет и улыбнется, – ну, здравствуй, Рыжий...»

В 1986 году отца не стало. А еще через шесть лет, в 1992, я купил книгу Варлама Шаламова «Колымские рассказы». В ней был рассказ «Последний бой майора Пугачева», о тех событиях.

А в 2006 году, наверное, по воле Проведения, случилось знакомство с легендарным морским пехотинцем Героем Советского Союза Дмитрием Дмитриевичем Вонлярским, который в начале 50-х, по воле рока отказался в том же лагере, что и отец, и много чего рассказал об их жизни. И даже прозвище Николая Леонтьевича «Пасечник» вспомнил – «Рудый».

Бывают же такие зигзаги судьбы. Неповторимые.

Кавалер трех орденов «Славы»

Не так давно на экранах кинотеатров и по телевидению был показан художественный фильм «Штрафные батальоны». Он продолжил тему, затронутую авторами в фильме «Холодное лето пятьдесят третьего». Бесспорно, что эти литературно-художественные произведения объективно отражают трагедию солдат, волею судеб попавших в плен, а затем в штрафные батальоны и сталинские лагеря.

За исключением одного – все офицеры «СМЕРШ» и НКВД показаны в них полными дебилами, которые только и делали, что совершали всяческие подлости и издевались над фронтовиками.

Слава Богу, что есть экранизация повести В.Богомолова «В августе сорок четвертого», где хоть немного освещена деятельность органов военной контрразведки в годы войны. Фильм, кстати, не допущался на экраны с конца семидесятых годов. Кому-то это было нужно.

А между тем, далеко не во всех случаях, бывшие военнопленные становились штрафниками или заключенными. И не без участия смершевцев.

Передо мной пожелтевшая от времени справка Голубовского военного комиссариата города Кадиевки Луганской области от 4 августа 1960 года за №146. Привожу ее дословно:

С П Р А В К А

«Выдана Семенову Егору Дмитриевичу 1906 года рождения в том, что он действительно проходил службу в Советской Армии с 10 сентября 1941г. по 10 октября 1941г. и с 10 января 1943г. по 13 ноября 1945г. Участвовал в Великой Отечественной войне.

Находился в плену с 10 октября 1941г. по 10 января 1943г.

Уволен в запас на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1945г.

Справка составлена на основании записей в военном билете для предъявления в Голубовский Райсобес.

А еще три ордена «Славы», за №№ 237716, 7026 и 1650. Есть и другие, но речь не о них. И выписка из Центрального архива Министерства Обороны СССР за 2000 год.

« Семенов Егор Дмитриевич, родился 15.06. 1906 в селе Карповка, ныне Советского района Курской области, в семье крестьянина. Русский. Образование начальное. С 1936 жил в городе Кировске Луганской области. Работал грузчиком. В Красной Армии с сентября 1941.

На фронте в Великую Отечественную войны с января 1942. Стрелок 487-го стрелкового полка (143-я стрелковая дивизия , 48-я армия, Центральный фронт).

Рядовой Семенов в наступательных боях на Орловско-Курской дуге 01.08.43 увлек бойцов в атаку, обратив группу немецких солдат в бегство. 09.01.45 награжден орденом «Славы» 3 степени.

15.01.45, при форсировании реки Висла в 15 км северо – западнее города Варшава (Польша), Семенов вместе с бойцами отделения (те же полк, дивизия, 47-я армия, 1-й Белорусский фронт) в числе первых достиг противоположного берега, ворвался в траншею противника и уничтожил 3 гитлеровцев. При расширении плацдарма воины отделения первыми проникли на окраину населенного пункта Чансткув (Польша) и забросали гранатами автоматчиков, засевших в нескольких домах. 11.02.45 награжден орденом «Славы» 2 степени.

27.03.45, при ликвидации вражеской группы под городом Альтдам (восточнее города Штеттин – ныне Щецин, Польша) Семенов, действуя в составе отделения, первым поднялся в атаку, в схватке истребил 5 солдат. При преследовании отступающего неприятеля Семенов, оставшись один у ручного пулемета, продолжал вести бой, поразил свыше 10 гитлеровцев, подавил пулемет. Был ранен, но поля боя не оставил. 31.05.45 награжден орденом «Славы» 1 степени.

В 1945 демобилизован. Жил в городе Кировске. Работал на шахте. Награжден орденом Отечественной войны 1 степени, медалями. Умер 16.03.1992».

Это дедушка моей жены.

Он был в плену с 10 октября 1941 по январь 1942. Два с небольшим месяца, а не более года, как указано в справке военкомата – она искажена умышленно. С такими вещами, в своей практике я не раз сталкивался и отлично знаю, для чего это делалось.

Но суть не в этом.

Со слов Егора Дмитриевича, а общаться с ним мне приходилось неоднократно, после побега из немецкого лагеря и проверки в «СМЕРШе», он безо всяких последствий был отправлен на фронт. И не он один. Таких было множество. Об этом рассказывали и другие ветераны.

Более того, самого высокого ранга.

Я до сих пор помню встречу со знаменитым подводником, Героем Советского Союза капитаном 1 ранга С.П. Лисиным, который в начале семидесятых приезжал к нам в атомный учебный центр ВМФ в Палдиски.

В 1942 году подводную лодку «С-7», которой он командовал, при зарядке аккумуляторных батарей на боевой позиции, торпедировала финская ПЛ. Весь экипаж погиб, а находящиеся в рубке капитана 3 ранга Лисина, которому к тому времени уже было присвоено звание Героя, и трех моряков, взрывом выбросило за борт, где их подобрала финны. Затем были плен, допросы в Хельсинки и Берлине, освобождение в 1944 году нашими войсками и самая тщательная проверка в органах военной контрразведки.

По логике сценаристов уже упомянутых фильмов, Сергея Прокофьевича должны были, по меньшей мере, расстрелять, а он продолжил службу и закончил ее в должности заместителя начальника отдела боевой подготовки Тихоокеанского флота. Не репрессировали и оставшихся в живых моряков. После освобождения из плена все они ушли на фронт и с честью воевали до Победы.

И еще, я лично знаю прокурора, который всю войну служил в армейском «СМЕРШЕ», оперуполномоченным. Так вот, была «разнарядка» с самых верхов. Сколько шпионов и диверсантов следовало выявить в отчетный период. И условие – будет меньше, пойдешь сам. И это не пустые слова. Проверено.

Так вот, хотелось бы задать «правдолюбцам» вопрос. А как бы ты поступил, на их месте? Пошел на подлость или остался честным? И не спеши с ответом.

Была война. О ней мое поколение знает от отцов и дедов. А наши дети и внуки от нас, а также по книгам и фильмам, которые выходят на экран. Но в них должна быть вся правда, и в том числе об органах военной контрразведки.

Переправа

Об этом случае поведал мне прокурор города Стаханова Ворошиловградской (Луганской) области старший советник юстиции Алексей Иосифович Пучко в 1984 году, в День Победы.

Он прошел всю войну, начав ее лейтенантом – командиром огневого взвода и закончив капитаном – помощником командира артиллерийского полка в Будапеште.

Сам по себе, Алексей Иосифович был неординарным человеком.

Вернувшись с фронта, он поступил на факультет журналистики Киевского госуниверситета, после окончания которого стал одним из ведущих сотрудников республиканского агентства РАТАУ*.

Однако через некоторое время понял, что имеет призвание к юриспруденции, заочно закончил Харьковский юридический институт, после чего вернулся на родину, где поступил на службу в прокуратуру Ворошиловградской области и стал следователем прокуратуры Лутугинского района. Спустя некоторое время его назначили прокурором города Стаханова, бывшим в то время крупным индустриальным центром Донбасса.

На этом поприще Алексей Иосифович проявил себя с самой положительной стороны и вскоре получил приглашение на перевод в центральный аппарат прокуратуры УССР. Однако от него отказался и бессменно руководил прокуратурой Стаханова пятнадцать лет.

В то время она называлась «кузницей кадров», поскольку Пучко был не только сильным прокурором, но и прекрасным воспитателем. Более десятка его учеников впоследствии стали прокурорами крупных городов, областей и работниками центральных аппаратов Прокуратур Украины и Союза СССР.

При всем этом, Алексей Иосифович не оставлял журналистики и регулярно печатался в республиканской прессе. Собирался опубликовать свои фронтовые воспоминания, но не успел. Вот одно из них.

В сентябре 1941 года, наш артиллерийский полк, неся значительные потери, вместе с разрозненно отступающими частями Красной Армии оставлял Киев.

После одного из боев, в котором погиб командир нашей батареи и большинство офицеров, я получил приказ самостоятельно выводить ее к Днепру и переправлять на другой берег. К этому времени в батарее оставалось три семидесяти шести миллиметровых орудия на конной тяге с неполными расчетами и остатками боекомплекта.

Двигались всю ночь, по дорогам и бездорожью. В слитной людской массе вперемишку двигались танки, орудия и повозки, а над нами, тяжело сотрясая воздух, в небе плыли волна за волной, следующие на восток армады немецких бомбардировщиков. В той стороне не утихал бой, и от тяжелых ударов вздрагивала земля.

К переправе вышли на исходе ночи. Она была наведена из понтонов и вся запружена отступающими войсками.

В этот предутренний час, когда с минуты на минуту могли возобновиться налеты немецкой авиации, все отступающие войска старались как можно быстрее преодолеть водную преграду и укрыться в лесах на противоположном берегу.

На подходе к переправе скопилось огромное количество людей и техники, среди которых царил хаос и неразбериха. Временами эта масса начинала движение и понемногу втягивалась на мост, затем оно стопорилось и вновь возобновлялось. Все перемещения колонн и разрозненно отступающих групп сопровождалось ревом моторов, ржанием лошадей, звуками команд и густым матом.

Когда наша батарея с огромными усилиями подтянулась непосредственно к переправе, движение на ней вновь застопорилось и я, оставив за себя одного из командиров огневого взвода, пошел по понтону вперед, чтоб выяснить причину затора.

На его середине стояли два закопченных танка Т-34, в двигателе одного из которых копались несколько танкистов в замасленных комбинезонах. По виду машин было видно, что они недавно вышли из боя и находились не в лучшем состоянии. С правой стороны танки обтекали матерящиеся пехотинцы, для движения же орудий, грузовых автомашин и повозок, оставшейся ширины понтона явно не хватало.

Уже через несколько минут к танкам подбежали еще несколько офицеров, требуя немедленно освободить проезд. Между нами и танкистами начался бурный диалог, который был прерван звуками раздавшегося за спинами автомобильного клаксона.

Непрерывно сигналив, к месту затора подвигалась запыленная «эмка» в которой находился какой-то крупный военный чин в кожаной куртке и с охраной, состоящей из капитана и нескольких автоматчиков.

В нескольких метрах от танков автомобиль остановился, а незнакомый командир в сопровождении капитана подошел к нашей группе.

– Старший танковых экипажей, ко мне! – рявкнул он.

Один из танкистов подбежал к начальнику и, приложив руку к шлемофону доложил, – командир второй роты сорок третьего танкового полка лейтенант Краснов!

– Почему стопоришь ход переправы, раздолбай!? Немедленно убрать машины!

– Товарищ генерал, поломка в двигателе практически устранена. Через пять минут начну движение!

– Никаких пяти минут, приказываю сбросить поврежденный танк с переправы. Выполнять!!

– Виноват, у меня приказ своего командования, вывести технику на ...

Договорить он не успел. Хлопнул выстрел, и танкист стал оседать на настил понтона. В руке генерала дымился пистолет.

– Немедленно сбросить машину с переправы! – приказал он застывшему у танка экипажу, сел в «эмку» и та, набирая скорость, покатила в сторону противоположного берега.

Несколько мгновений люди в комбинезонах молча смотрели на своего мертвого командира, затем старший из них что-то бросил остальным, те быстро втащили тело в танк, и сами скрылись в его люках.

Еще через секунду взревел двигатель и, сдав назад, бронированная машина сбросила своего поврежденного собрата с моста.

Затем башня тридцатьчетверки слегка развернулась, орудийный ствол пошел вниз и установился на въезжающую на противоположный берег «эмку».

Оглушительно грохнуло, и на месте автомобиля взметнулся разрыв, в разные стороны полетели колеса.

А танк, взыв мотором, понесся по настилу на восток. Переправа возобновилась...

Первый десант в тыл врага

Этот рассказ из находящихся у меня, неопубликованных мемуаров вице-адмирала Михаила Алексеевича Мусатова. Бойца морского диверсионного отряда в годы Великой Отечественной войны, 1-го заместителя ПГУ КГБ СССР в мирное время, одного из сподвижников Ю.В. Андропова.

Понесся значительные потери в боях за переправу на Березине, 4-й воздушно-десантный батальон отходил на восток. Бойцы шли молча, со стиснутыми от горя и бессилия зубами. Лица понурые, серые от пыли и усталости, плечи опущены, словно от непосильной ноши.

Каждый думал о том, сколько ему пришлось пройти мучительным путем отступления под непрерывными бомбежками и обстрелами, вступая в стычки с врагом и отлавливая вражеских диверсантов. Бредили сердца товарищи, погибшие в боях.

Когда проходили белорусские деревни, их жители молча стояли по обе стороны дороги и, будто обманутые чем-то, смотрели на нас. В лицах чудился укор, – вот вы, молодые и сильные, уходите и оставляете нас одних, старых и малых, на поругание врагу, спасая свои шкуры.

Они не знали, что батальон выдержал страшный бой и отходит непобежденным. Но нелегкой ценой досталась ему та победа.

Мы понимали, что враг силен и пока наступает, но знали, придет время и погоним фашистов с нашей священной земли. Ведь нам было сказано: «Враг будет разбит, наше дело правое, мы победим». А этому человеку и его словам, мы верили.

Поздно вечером 13 июля 1941 года, на опушке леса у белорусского городка Климовичи, батальон остановился на привал. В тот вечер никто не помышлял, что мы получим особо важное задание командования Западным фронтом.

В полночь нашу 10-ю роту подняли по тревоге. Комбат Полозков приказал отобрать семьдесят добровольцев для выполнения особо важного боевого задания. Лейтенант Романенко подал команду, – добровольцы, два шага вперед! Команду выполнила вся рота.

Тем не менее, отобрали семьдесят, наиболее подготовленных. Нас всех усадили в четыре автомашины и утром 14 июля доставили к какому-то зернохранилищу. Там выдали парашюты ПД-6, гранаты, по две бутылки авиационного бензина, оборудованных зажигательной спичкой и терки к ним.

Затем мы вновь погрузились в автомашины и двинулись к городу Кричеву. По пути останавливались, на берегу небольшой речки, искупались и перекусили. Там же, поверх обмундирования, надели темно-синие куртки и брюки. Приехали к аэродрому поздно ночью. Выгрузились в ста метрах от стоянки самолета ТБ-3, к которому крепили авиационные бомбы.

У летчиков что-то не ладилось с подвеской, однако помочь им мы ничем не могли и молча лежали в траве. Вскоре подъехала полуторка, и лейтенант Иванченко с политруком Диденко убыли на ней к представителю штаба Западного фронта для получения задания.

Было ясно, что полетим в тыл врага в качестве первого воздушного десанта в этой войне. И от того, как выполним задание, зависит честь всей нашей 214-й бригады.

Через некоторое время к нам подъехал легковой автомобиль с погашенными фарами. Из него вышел коренастый мужчина в кожаном реглане, поздоровался, сел на землю и представился.

– Я Кравченко. Ну, что, друзья, ждете посадки в самолет?

Мы молчали, хотя сразу поняли, что это дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Кравченко.

– Вам предстоит выполнить очень сложную боевую задачу, – продолжил он. – По данным воздушной разведки, в районе машинно-тракторной станции поселка Горки Могилевской области, гитлеровцы организовали заправочную базу и мастерскую по ремонту танков, бронемашин и другой техники. Сейчас их там сосредоточено несколько сотен. Все подготовлены к наступлению на Смоленск и Москву.

Было бы преступлением, если бы мы не попытались уничтожить хотя бы часть этого бронированного чудовища. Командование фронтом приняло решение, сегодня на рассвете пробомбить этих мерзавцев, а затем, после бомбежки, выбросить на их головы десант, который бы уничтожил и сжег все, что там останется. Ваша задача очень сложная, но весьма важная.

Необходимо во что бы то ни стало задержать этот бронированный кулак, направленный в сердце нашей Родины. Только молниеносное дерзкое нападение на врага, смелость и отвага помогут вам выполнить эту задачу. Днем я пролечу над этим районом и по вашей зеленой ракете помашу крылышками истребителя. Успеха вам!

Затем он сел за руль автомашины и уехал в сторону ангара.

Через час прибыли Иванченко и Диденко. Я доложил им о беседе с Кравченко и той задаче, которую он нам поставил.

– Моя задача облегчается, – улыбнулся он, – поговорим о деталях. – Выбрасываются четыре десантные группы. Каждая действует самостоятельно. Прыгаем с высоты 600 метров, после бомбометания. С учетом того, что у нас нет большого груза, будем прыгать «средним затыжником», чтобы противник не перебил в воздухе. Объекты уничтожения – танки, бронемшины, бензовозы, боеприпасы, оборудование мастерских и живая сила противника. Ее истреб-

лять всеми видами оружия, включая финки и кинжалы. Отход по красной ракете в сторону водонапорной башни, а затем в лес вдоль железной дороги в направлении станции Темный Лес. Срок проведения операции – полчаса, иначе фашисты опомнятся и по открытой местности нам не выбраться.

Затем мы погрузились в бомбардировщик, его развернули тягачом и подтащили к взлетной полосе.

Взрели моторы и ТБ-3 медленно, прижимаясь к земле, порулил на взлет. Создавалось впечатление, что он никогда не оторвется от земли. Однако перед самой деревней, машина все-таки оторвалась от взлетной полосы, и стала набирать высоту.

За всю службу в бригаде, нам никогда не приходилось прыгать после бомбометания. Честно говоря, неуютно было сидеть рядом с авиабомбами. Тем более что на подлете к объекту противник открыл по самолету ураганный огонь из зенитных орудий и пулеметов. Трассирующие пули все ближе подбирались к машине, и взирая через бомболюк на все это зрелище было занятием не из приятных.

В один из моментов самолет ощутимо тряхнуло, и всех прожгла мысль, что в него угодил снаряд. Однако стрелок-радист успокоил нас, сообщив, что сброшены бомбы из-под плоскостей и сейчас пойдут с бомболюков.

Когда оттуда исчезла последняя, поступила команда – «пошел!».

По сигналу Ивченко прыгнул я, затем политрук Диденко, а за ним Паша Григорьев, Николай Сафронов, Николай Зорин и другие ребята.

Пролетев в свободном падении метров 300, я дернул кольцо основного парашюта и ощутил непривычно слабый динамический удар. Поднял голову и увидел перехлест купола стропой. Земля стремительно приближалась и с нее, навстречу мне, летели трассы искрящихся в воздухе пуль. Быстро рванул кольцо запасного, его раскрытие практически совпало с моим приземлением и спасло меня. Я оказался в высокой ржи, рядом с горящей мастерской, откуда слышалась интенсивная стрельба.

Освободившись от парашюта, побежал к приземлившемуся рядом десаннику, который запутался в стропях. Им оказался политрук. Освободив Диденко «из плена», делаем рывок к мастерской. Правее нас, во ржи, внезапно вырастает замаскированный танк, из башни которого гитлеровец из автомата ведет огонь в сторону мастерской.

Короткой очередью Диденко расстрелял его, а я поджег запал бутылки с бензином и метнул ее в танк. По счастью, попал прямо в люк. Из него сразу же полыхнуло ослепительное пламя, и послышались вопли, а еще через секунду из аварийного люка танка выскочили трое немцев. Комбинезоны на них горели. Добили и этих.

Сзади запаленное дыхание – это Сафонов, Зорин, Книжников и Григорьев. Все вместе бежим к мастерской и по пути поджигаем еще три танка и несколько автомашин с боеприпасами. А в мастерской уже орудуют наши – Бойко, Бойцов, Самохвалов и другие, во главе с Иванченко.

У правой обвалившейся стены двора мастерской обнаруживаем шесть пустых танков, поджигаем и их. К этому добавляем три бензовоза а еще две машины с боеприпасами. Кругом пламя, мазутный дым, взрывы и вопли перепуганных немцев. Вскоре горит и рожь. Дышать почти нечем, но мы продолжаем свою разрушительную деятельность и едва замечаем взмывшую в небо красную ракету.

Мчимся к водонапорной башне, огибая горящее поле и всаживая последние очереди в пылающий сзади ад.

Там уже Ваня Самохвалов курочит насос, а заодно швыряет в водозаборник пару «фенек». Изрешетив бак и выпустив из него воду, бегом догоняем своих. Все мы в копоти и саже, с черными обожженными лицами, у многих обгорело обмундирование, а Гвоздилину при прыжке лямкой оторвало часть уха.

С товарищами встретились в трех километрах от поселка Горки. Немцы нас не преследовали, поскольку, находились явно в шоковом состоянии.

Какое число было уничтожено фашистской техники и живой силы точно сказать не могу – так как на территории МТС действовало несколько десантных групп.

Но только наша сожгла более 40 танков и отправила в мир иной около роты врагов. Этот смелый и я бы сказал дерзкий налет показал нам, рядовым и командирам, что фашистов можно бить даже малыми силами, проявляя известную степень мастерства и смелости.

В лесу мы немного отдохнули, переживая за друзей, которые так и не прибыли на сборный пункт. В их числе были Сеня Вишневский, Алеша Москаленко, Ефим Зайцев, Гриша Юдин и Петя Томилин. Что случилось с ребятами, неизвестно и поныне.

Во время привала, над нами развернулся воздушный бой. Краснозвездные истребители сбили три «юнкерса». Затем долго кружили над лесом, и когда мы дали зеленую ракету, один из них, помахал крыльями. Генерал Кравченко сдержал свое слово. Уже после войны я узнал, что он погиб в неравном бою в июле 41-го.

Затем, соблюдая меры предосторожности, отряд двинулся в направлении станции Темный Лес. По пути к нам присоединились десантники из других групп. К месту вышли перед заходом солнца. Провели разведку и установили, что со станции готовится к отправке на восток последний эшелон с бойцами 100-й стрелковой дивизии, которая отводилась на формирование после кровопролитных боев на Березине.

Вагоны были забиты солдатами, ранеными и техникой. Для нас прицепили две открытых платформы, куда и погрузились десантники.

Перед отправкой начальник эшелона сообщил Иванченко, что на складе, который они собираются сжечь, имеется несколько тонн продуктов. Оттуда мы взяли десяток ящиков тушенки, сала и гречневого концентрата, а также соль, сухари и махорку.

В процессе движения эшелон несколько раз подвергался налетам вражеской авиации. Это были, как правило, одиночные самолеты.

Сначала он останавливался, и бойцы прятались в лесу, а затем эта беготня всем надоела и мы стали «огрызаться». На каждой платформе установили пулеметы, из которых открывали ураганный огонь по противнику. При одном таком налете, Бойко сбил вражеский пикировщик. Радость всех была неопишуемой.

Пулеметы сразу же были водружены и на остальных вагонах поезда. Теперь при появлении фашистских стервятников он ошестинивался плотной огневой завесой. В результате подбили еще три машины.

Эшелон двигался мучительно долго, с множеством остановок, и мы несколько раз порывались пойти пешком. Однако этому препятствовал Иванченко.

Наконец прибыли в Кричев, где нас встретил начальник связи бригады и препроводил в комендатуру. Там уже находились ротный Романенко и секретарь партбюро Якушев. С ними проследовали в расположение 4-го батальона, который расположился лесу рядом с городом.

Со всех сторон нас окружили друзья, сослуживцы, командиры и политработники. Вопросы, вопросы и вопросы. Затем пригласили к комбату – капитану Полозкову. Он поздравил нас с выполнением задания, приказал всех вымыть в бане, переодеть и накормить обедом.

А на следующий день в батальоне состоялся митинг, на котором политрук Якушев, обратившись к присутствующим, сказал.

– Сегодня мы встречаемся с нашими боевыми товарищами, участвовавшими в первом воздушном десанте по разгрому фашистов. По докладу наших летчиков и, в частности дважды Героя Советского Союза генерала Кравченко, задачу наши воины выполнили блестяще. Вместе с авиацией уничтожена практически вся боевая техника и живая сила противника в районе высадки. Поздравим их с первой победой!

Затем состоялся обмен боевым опытом, в процессе которого были приняты следующие решения:

- перед десантированием укладку своих парашютов производить каждому лично;
- по возможности заменить винтовки (за исключением снайперских), на автоматы;
- усовершенствовать зажигательные средства и технику их применения;
- заменить скоропортящиеся рыбные и другие консервы на тушенку и сало;
- каждого десантника снабдить элементарной медицинской аптечкой.

В заключение выступил Илья Дмитриевич Полозков, который отметил, что батальон пополнился бойцами, имеющими боевой опыт действий в тылу врага. Его необходимо использовать во всех подразделениях. Основная задача – готовиться к очередным выбросам за линию фронта. С учетом этого будут пересмотрены все планы боевой подготовки и учтены пожелания, вернувшихся с задания. Командованию бригады и фронта будет доложено о готовности батальона к новым боевым операциям.

На следующий день батальон передислоцировался в район Сухиничей, где в густом лесу мы оборудовали палаточный городок и приступили к активной боевой подготовке.

Часто вечерами, сидя у палаток, вспоминали свой первый бой и не вернувшихся с задания товарищей. Как сложилась их судьба? Живые ребята, или мертвые?

Я отлично помнил, как при отходе от МТС мы встретили двух десантников из другого самолета, активно ведших бой. Это были Дима Мартыновский и Володя Шаулин. Впоследствии Мартыновский рассказал, что десантирование с их самолета почему-то произошло не совсем гладко.

Сначала прыгнули они с Шаулиным, а затем случилась заминка и основная группа приземлилась в полукилометре от объекта диверсии.

В результате он с товарищем присоединился к нам. Как сложилась судьба той группы – неизвестно. Преодолеть столь значительное расстояние на открытой местности под шквальным огнем противника было практически невозможно. С его слов, при отходе к станции Темный лес, они встретили только троих своих, которые тоже были в неведении об участии остальных.

Не раз мы возвращались и к вопросу, все ли было сделано для выполнения боевой задачи в том десанте. В этих беседах принимал участие и Иванченко.

Говорил он мало, но последнее слово всегда оставалось за командиром.

Как-то Николай Сафронов высказал мысль о том, правильно ли поступило командование фронтом, выбросив десант сразу после бомбежки, то – есть на верную гибель.

Возник серьезный спор, в котором многие, в том числе и я, выступили за правильность этого решения. Мы доказывали, что после бомбометания еще оставалось достаточно неповрежденной вражеской техники, которую нам и удалось уничтожить, свалившись немцам как снег на голову. Оппоненты же поддерживали Сафронова и заявляли, что если бы десант был высажен ночью, без шума, мы смогли бы сделать еще больше и со значительно меньшими потерями. На таких позициях стояли, например, Бойцов и Курочкин. Имелись и другие мнения.

В конце беседы Иванченко резюмировал:

– Все вы, дорогие товарищи, по своему, правы, однако не знаете одной очень важной детали. Именно в тот день немцы планировали отправить 80 танков под Смоленск. Это и заставило командование фронтом срочно высадить десант, чтобы сорвать планы фашистов. Конечно, – продолжил он, – высадка десанта была осуществлена с большим опозданием по времени.

Если бы мы приземлились в темное время, у нас было бы больше успеха и меньше потерь. Одно меня радует – среди бойцов отряда не было ни малейшего колебания в необходимости выполнения такого сложного задания. Мы исполнили свой воинский долг с честью.

Между тем, боевая подготовка в подразделении, была теперь организована с учетом опыта первого десанта. Мы активно занимались подрывным делом и изучали новые электро-

взрыватели. Отрабатывались приемы нападения на часового и другие навыки рукопашного боя. Продолжались тренировочные прыжки на парашютах, особенно в ночное время и с грузом до 40 килограммов.

Особое внимание уделялось ориентированию на местности.

Ежедневно, по два часа стали изучать немецкий язык.

Многим ребятам он давался с трудом. Наш силач Коля Сафронов, в прошлом колхозный бригадир из Курска, как-то заявил, – мне фрица проще задавить, чем спросить его имя. Во взводе он был единственным, кто имел жену и дочь, которых безумно любил.

Когда сестра из Свердловска написала брату, что те нашлись и едут к ней на жительство, Николай от радости обхватил руками и свалил березу диаметром сантиметров в двадцать. Та грохнулась на лужайку и едва не убила политрука Диденко, который готовился там к политинформации. Мы кое-как упростили Иванченко не наказывать Сафронова. После этого случая к нему пристала кличка «Танк».

В то время все мы были восхищены неутомимостью и энергией нашего комбата Полозкова, командира роты Романенко и лейтенанта Иванченко, которые день и ночь вели тщательную подготовку десантников к новой заброске в тыл врага.

Их стараниями нам выдали новые автоматы ППШ, добротное обмундирование и обувь. Врач батальона Андрей Ефимович Кузьменко снабдил каждого десантника медицинской аптечкой и провел самый тщательный инструктаж о правилах пользования ею. Андрей Ефимович закончил Алма-Атинский мединститут и существовавшую при нем парашютно-планерную школу. Это помогло ему в службе в десантных войсках.

В составе подразделений бригады наш врач многократно выбрасывался в тыл противника. В одном из боев был тяжело ранен, и после выздоровления, по состоянию здоровья переведен в танковые войска. Принимал участие в штурме Берлина. Награжден орденами Отечественной войны 1 и 2 степеней, Красной Звезды и многими медалями. В 1966 году демобилизовался и работал врачом в Днепропетровске.

Рядом с нашим батальоном, в лесу, располагался банно-прачечный комбинат, укомплектованный в основном девушками-москвичками.

Врача своего в нем не было и Кузьменко приглашали туда для лечения ожогов, травм и прочих заболеваний. Девушки часто приходили к нам в кино, а мы наведывались к ним на танцы. Расположение неподалеку такого большого числа молодых девчат отрицательно сказало на состоянии дисциплины в батальоне. Появились самовольные отлучки среди бойцов.

Командование приняло строгие меры к их пресечению и организовало патрули, призванные выявлять и отлавливать самовольщиков. Особенно трудно приходилось с девушками – они не признавали никаких команд, прорывались к комбату и просили того сменить гнев на милость.

Тот – ни в какую.

Порядок в итоге навели, но врагов себе нажили. Перед самой выброской командование банно-прачечного комбината уговорило Полозкова передать им для стирки белье всех бойцов и командиров, обещая вернуть его через сутки.

Белье сдали, оставшись в гимнастерках и бриджах. Проходит день, второй, третий, а белье не возвращают – мол, сторело при дезинфекции. И только за день до выброски нам привезли новое – со складов. Вот такая девичья месть за бойкотирование их внимания.

Не могу не рассказать о жизни и судьбе нашего командира батальона Полозкова.

Рано оставшись без родителей, Илья прошел школу беспризорников. Встретившиеся на пути хорошие люди помогли устроиться парнишке на Архангельский лесопильный завод. Работал сначала учеником, а затем слесарем. В 1923 году вступил в комсомол и был призван на флот. Служил на ледоколе «Малыгин». Суровые льды Арктики и железная морская дисципли-

плина сформировали у него бойцовский характер. Через шесть лет, здесь же, на корабле, был принят в партию.

А в 1929 году коммунист Полозков вместе с сотнями других, по решению партии едет в деревню создавать колхозы.

– Дело это было совершенно новое, – рассказывал он, – да и опасное, кулаки нам ничего не прощали, но мы молодые, горячие головы, сознавая всю важность порученного дела, действовали активно, подчас опрометчиво. Потеряли из-за этого много хороших товарищей.

Затем воздушно-десантное училище и жизнь парашютиста. К 41-му году совершил 352 прыжка. С началом Великой Отечественной войны, командуя батальоном, проявил себя как грамотный командир, требовательный к себе и подчиненным.

Илья Дмитриевич четырежды выбрасывался на парашюте в тыл противника, показал себя смелым, решительным и находчивым командиром. Был несколько раз ранен и контужен.

В 1942-м году Полозков был признан инвалидом войны со второй степенью нетрудоспособности, однако добился назначения в спецотряд, где подготовил 28 разведывательно – диверсионных групп парашютистов. Война ожидалась длинной.

Огненные мли

Год 2005-й. Москва. Небольшая уютная квартира в Теплом Стане.

А в ней миниатюрная светлая старушка, с удивительно чистым голосом и доброй улыбкой.

Это Анна Николаевна Сафронова. И вот ее личные слова, записанные на репортерский диктофон...

«Родилась я на Дону, в селе Стригунки 24 сентября 1919 года, в крестьянской семье. Затем мы переехали в город Белев Тульской области.

Там я закончила десять классов местной школы и решив стать летчицей, подала документы в Ленинградскую военно-воздушную инженерную академию им. К.Е. Ворошилова.

Однако по состоянию здоровья к вступительным экзаменам в нее я допущена не была и решила поступить в железнодорожный институт. Туда не прошла по конкурсу и по рекомендации своего дяди, в 1939 году поступила на работу в Гатчинский отдел НКВД. Через некоторое время я была избрана секретарем гатчинского, а еще спустя непродолжительное время, членом бюро ленинградского обкома комсомола. Приходилось много ездить по области, общаться с самыми разными людьми и эта работа была мне по душе.

В одной из поездок, мой близкий знакомый – начальник Особого отдела базирующейся под Ленинградом авиационной дивизии, предложил мне перейти к нему на работу и переехать в Таллин.

Весну 1941 года я встретила секретарем-шифровальщиком Особого отдела Таллиннского военного гарнизона. Подчинялись мы Особому отделу Балтийского флота, значительная часть которого, и в том числе лидер «Киров», базировалась в столице Эстонии.

22 июня началась Великая Отечественная война.

С первых же дней Таллин стала бомбить немецкая авиация, которой активно противодействовали стоящие на рейде корабли. Особенно мощно отражал эти атаки крейсер «Киров», от залпов которого сотрясался весь рейд. По ночам это была страшная картина – город горел.

28 августа 1941 года мы получили приказ об эвакуации. Упаковали в металлические шкафы секретные документы и шифркоды, после чего в порту все сотрудники Особого отдела флота погрузились на плавмастерскую «Серп и Молот». Это было огромное судно, загруженное людьми и военным снаряжением «под завязку».

Отходили под непрерывными бомбежками. Через некоторое время судно получило несколько пробоин, стало крениться, и нам приказали подняться на верхнюю палубу без вещей.

С собой, в противогазной сумке, я смогла унести только мое любимое крепсатеновое синее платье с кружевным воротничком.

Весь залив был усеян движущимися под взрывами кораблями. Рядом с нами проходил эсминец, с курсантами Фрунзенского военно-морского училища, откуда раздался крик, – Нюра, Нюра Казакова, это я, Женя!

Среди курсантов с винтовками, на палубе был мой одноклассник по школе Женя Бочаров, с которым мы жили на одной улице.

– Передай родным, что у меня все в порядке! – кричал он, размахивая бескозыркой.

Женю я больше не встречала, их корабль погиб на переходе, о чем впоследствии я сказала его маме...

Бомбежки продолжались непрерывно и на второй день в следующее рядом с нами судно «Верония», на котором находились семьи командиров, попало несколько бомб, оно стало тонуть. Как впоследствии рассказывали очевидцы, в числе других, в воде оказалась жена командующего Балтийским флотом адмирала В.Ф. Трибуца.

Ее спасла плавающая мина, за взрыватели которой женщина держалась руками до тех пор, пока не была подобрана моряками с подошедшего тральщика. За время, проведенное в воде, она поседела.

В наш «Серп и Молот» тоже попало несколько бомб, я оказалась в воде и в числе других была подобрана катером, который высадил всех на остров Гогланд. Из нашего отдела спаслись всего несколько человек и в том числе начальник Лазарь Моисеевич Иоффик, который принял на себя общее командование над военнослужащими.

На острове, под бомбежками, мы прожили несколько дней, после чего тральщиком были эвакуированы в Кронштадт, а оттуда доставлены в Ленинград, на Литейный проспект в «Большой дом».

Там я продолжила свою службу секретаря-шифровальщика и от сотрудников Особого отдела Ленинградской ВМБ впервые услышала о капитане Германе Сафронове, который в первые дни войны был отправлен в Таллин для организации агентурного подполья на его территории. Все сокрушались, что их товарищ, который до настоящего времени не вернулся с задания, по-видимому погиб.

В один из таких дней, когда я в своем синеньком платье работала в приемной начальника управления, в нем появился веселый бородатый мужчина с автоматом, в измазанных грязью армейской плащ палатке и сапогах.

– Что здесь за «васильки» в мое отсутствие появились? – засмеялся он, вешая свою замызанную плащ палатку на мой единственный черный жакетик, который подарили девушки отдела. Затем подошел к столу, хитро на меня посмотрел и заявил, – авось, женой будешь.

– А кто вы такой? – поинтересовалась я у незнакомца.

– Я старший оперуполномоченный Герман Иванович Сафронов, – ответил незнакомец.

Еще через несколько секунд в приемную набегали оперативники, появился начальник, и все стали радостно обнимать своего воскресшего товарища.

С этого момента и началась наша дружба с моим будущим мужем. Мы несколько раз сходили в кино, навестили его квартиру на Петроградской стороне, а через непродолжительное время Герман Иванович был назначен начальником Особого отдела стрелковой дивизии и убыл на Ленинградский фронт.

Меня же перевели в отдел военной контрразведки «СМЕРШ» в мотострелковую дивизию под Шлиссельбург и на некоторое время наши фронтовые дороги разошлись.

К этому времени я уже была лейтенантом, в совершенстве освоила специальность шифровальщика и помимо ее выполняла задания по доставке спец донесений в другие подразделения контрразведки Волховского фронта, в сопровождении охраны.

Далее пришлось служить в отделе контрразведки Ладожской военной флотилии и под бомбежками многократно ездить по «дороге жизни». Одна такая поездка едва не закончилась для меня трагически – служебная «эмка» с шифр документами провалилась в полынью, и мы едва не утонули в ледяной купели.

В 1945 году меня перевели в Особый отдел Черноморского флота, где довелось встретиться с президентами США Теодором Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчилем, которые приезжали по приглашению И.В.Сталина на Ялтинскую конференцию.

Причем при довольно необычных обстоятельствах.

Дело в том, что контрразведка флота обеспечивал безопасность проведения встречи глав Большой тройки непосредственно в Ялте, и наши оперативники пригласили меня посетить Ливадийский дворец, где они работали.

Попали мы, как говорят, «с корабля на бал». Наш начальник, генерал Ермолаев пил в это время кофе в гостевом зале вместе с Рузвельтом и Черчилем.

Кто-то из них поинтересовался через переводчика, кто из шифровальщиков обеспечивал бесперебойную обработку информации конференции. Ермолаев вызвал меня и представил высоким гостям. Те очень удивились, увидев совсем молоденькую девушку, поцеловали мне руку и пригласили к столу, выпить с ними чашечку кофе.

Отказываться было не принято, пришлось согласиться, после чего, поблагодарив их за угощение, я покинула зал.

Видела и жену Рузвельта, которая после отъезда мужа, почему-то несколько дней проживала в Севастополе, во флигеле, расположенном рядом с Особым отделом.

Однажды мы даже приветственно помахали друг другу руками.

В один из дней апреля 1945 я обнаружила на столе шифр поста спец сообщение начальника Особого отдела одной из армий, за подписью майора Сафронова. Это был мой Герман. С ответом на сообщение, адресату ушла и маленькая записка.

Как мне потом рассказывал его заместитель, Алексей Иванович, их армия заканчивала войну в Германии, и Герман Иванович сетовал, что в отличие от других, ждущих на родине встреч с женами и невестами, ему на свидание с любимой надеяться не приходилось – потерял. А потом пришел ответ на его сообщение и он, держа записку в руке, торжественно заявил всем: «Ребята! Моя жена нашлась!»

Затем была Победа.

В 1946 году мы встретились с Германом Ивановичем в Одессе, поженились и продолжили службу в Особом отделе одесского военного округа.

Там тогда еще действовала знаменитая банда «Черная кошка», с которой по-военному разобрались вернувшиеся с фронта офицеры.

Руководимое мужем подразделение обеспечивало безопасность штаба округа, который в то время возглавил маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

С Георгием Константиновичем у Германа Ивановича сложились самые теплые дружеские отношения и я тоже знала его семью, хотя и не близко.

Однако службу в контрразведке мужу пришлось оставить. В период войны он получил три ранения плюс три контузии, что серьезно сказалось на его здоровье и повлекло длительное лечение в ленинградском госпитале Эрисмана.

После рождения двоих сыновей и демобилизации в 1948 году, мы переехали в Ленинград, где встал вопрос, чем заниматься в мирной жизни.

В этот период, навестив московских родственников мужа, по моему настоянию мы зашли в Министерство легкой промышленности, которое тогда возглавлял А.Н. Косыгин, в довоенное время подчиненный Германа Ивановича по работе на ткацкой фабрике им. Желябова.

Встретил он нас очень тепло и предложил мужу должность директора ленинградского текстильного комбината. Там Герман Иванович проработал до 1952 года, перенес три инфаркта и получил категорическое заключение медкомиссии о невозможности дальнейшей трудовой деятельности, и срочной перемене места жительства. Пришлось переезжать в Москву, обменяв свое ленинградское жилье на комнату в деревянном доме.

Здесь мы встретили фронтового товарища мужа – генерала Прещепу, который порекомендовал мне вернуться на работу в Комитет государственной безопасности.

Я так и сделала и вскоре продолжила службу на Лубянке, в должности секретаря отдела морской контрразведки. За это время моими начальниками были генерал-лейтенант Борис Иванович Еронин, капитан 1 ранга Владимир Сергеевич Скляренко, контр-адмирал Владимир Иванович Батраков и контр-адмирал Петр Харлампиевич Романенко.

Курировал нас заместитель Председателя КГБ СССР генерал-лейтенант Георгий Карпович Цинев.

В 1956 году Германа Ивановича не стало, и я осталась с двумя детьми на руках в своих деревянных «хоромах». Руководство управления пошло мне навстречу и через некоторое время направило в служебную командировку в Особый отдел ГСВГ в Германию, в город Потсдамо.

В отставку я вышла в 1975 году, приобрела небольшую кооперативную квартиру и еще некоторое время трудилась на кадровой работе в Большом Театре и других учреждениях.

Мой сын полковник в отставке, подрастают внуки, но дает знать о себя возраст.

В память о службе остались боевые награды и воспоминания.

Анна Николаевна умерла спустя год. А этот рассказ остался.

Неизвестный Маринеско

30 января 1945 года подводная лодка «С-13» под командованием капитана 3-го ранга А.И.Маринеско потопила в районе Штольпмюнде гигантский лайнер фашистского флота «Вильгельм Густлов» водоизмещением 25 484 тонны, на борту которого находилось свыше семи тысяч эвакуированных из Данцига под ударами наступающих советских войск фашистов: солдат, офицеров, и высокопоставленных представителей нацистской элиты, палачей и карателей. На «Густлове», служившем до выхода в море плавбазой для школы подводного плавания, находилось свыше трех тысяч обученных подводников – примерно семьдесят экипажей для новых подлодок гитлеровского флота.

В том же походе Маринеско торпедировал большой военный транспорт «Генерал фон Штойбен», на нем переправлялись из Кениксберга 3600 солдат и офицеров вермахта.

(А.Крон «Капитан дальнего плавания»)

Об этом, легендарном подводнике написано множество мемуаров, самых различных очерков и статей. Отечественные и зарубежные военные историки до сих пор «ломают копья» в спорах, насколько повлияла его знаменитая «С-13» на ход Второй мировой войны. Боевой опыт Маринеско вошел в каноны подводного флота России, а также европейских стран и США. Но об известном повторяться не будем.

Редакция нашего Альманаха располагает достоверными фактами об Александре Ивановиче, ранее неведомыми публицистам. Они основаны на подлинных событиях и получены от ветеранов Военно-Морского флота, достаточно близко знавших этого неординарного человека.

В их числе капитан 3 ранга Александр Иванович Иванов – командир роты торпедистов Кронштадской школы Ленинградского Краснознаменного учебного отряда подводного плавания войсковой части 09990;

Герой Советского Союза, капитан 1 ранга Сергей Прокофьевич Лисин, в годы войны командир ПЛ «С-7», впоследствии известный военный публицист и историк;

Кавалер орденов Октябрьской революции, Красной Звезды и медали Ушакова, старшина 1 статьи Клавдий Павлович Шамин, старшина команды торпедистов одной из лодок бригады, в состав которой входила ПЛ «С-13»;

Герой Советского Союза, Кавалер орденов Боевого Красного Знамени, Отечественной войны 3-х степеней и ордена Красной Звезды – командир разведгруппы бригады морской пехоты, старшина 1 статьи Дмитрий Дмитриевич Вонлярский.

Впервые имя Маринеско я услышал зимой 1974 года, в бытность службы курсантом – торпедистом 2 школы Ленинградского учебного отряда подводного плавания (КУОПП) Дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Располагалась она в Кронштадте и именовалась 09990. А на жаргоне моряков «тридевятиое царство».

Возглавляли в то время отряд и школу капитаны 2 ранга Купцов и Кривцов, а ротой курсантов – торпедистов командовал капитан 3 ранга А.И.Иванов, в прошлом служивший минным офицером и командиром на субмаринах 613 и 641 проекта.

На одном из занятий по устройству подводной лодки, Александр Иванович и рассказал нам о своем знаменитом тезке все то, что впоследствии многократно публиковалось. А помимо прочего сообщил, что последние годы Герой – подводник жил в Кронштадте, где работал бригадиром портовых грузчиков, прозябая в нищете и забвении.

Через некоторое время, когда капитан 3 ранга со старшинами вели нашу курсантскую роту на первое знакомство с субмаринами в бригаду подплава, он остановил строй у одного из старых кронштадских домов, развернул нас фронтом к фасаду и сообщил, что именно здесь здесь жил легендарный Маринеско.

Второй рассказ об Александре Ивановиче я услышал летом 1975 года, от Героя Советского Союза, капитана 1 ранга С.П. Лисина, когда проходил службу в атомном учебном центре Палдиски в Эстонии, в составе экипажа ракетного подводного крейсера «К-450» под командованием капитана 1 ранга В.Н. Милованова.

На этой встрече были экипажи нескольких ракетноносцев Северного и Тихоокеанского флотов, находившиеся на переподготовке.

Несколько сотен офицеров, мичманов, старшин и матросов, затаив дыхание слушали «Одиссею» Маринеско.

Именно «Одиссею», поскольку Сергей Прокофьевич, в совершенстве владевший ораторским искусством, увлекательно и захватывающе рассказал нам об удивительном жизненном пути своего коллеги – командира гвардейской «С-13». И открывались новые страницы жизни этого неповторимого человека, ранее нам неизвестные.

Он действительно был «первым после Бога» для своих моряков, но не пользовался любовью высокого начальства за свободомыслие и независимость. И здорово лихачил на берегу. Что советскому морскому офицеру не личило.

Во многих мемуарах и очерках упоминается, что зимой 1944 года, когда подводная лодка «С-13» базировалась в городе Турку, в теперь уже нейтральной Финляндии, орденоносец, капитан 3 ранга Маринеско, познакомился с симпатичной шведкой, владелицей гостиницы, задержался у нее и, несмотря на последовавший вызов к командованию бригады, проигнорировал приказ.

Нам же капитан 1 ранга Лисин изложил эту историю в несколько иной интерпретации.

Маринеско действительно проживал в финской гостинице, однако никаких симпатий к ее владелице не питал. Хотя на самом деле, в предновогоднюю ночь 1945 года встретился с очень интересной красивой девушкой из высшего света нейтральной Швеции.

И остался в ее апартаментах до утра, чем всполошил командование бригады, «СМЕРШ» и политотдел: исчез командир корабля – секретноноситель, да к тому же имеющий родственников на оккупированной немцами территории.

Когда же он вернулся из гостей, встал вопрос об отдавании Александра Ивановича под суд военного трибунала. Спас его тогда командир дивизиона А.Е.Орел, срочно направивший лодку на боевое дежурство в море.

Представляется, что эта версия имеет право на существование и правдоподобнее той, которая изложена в официальной хронике о Маринеско.

И вот почему:

Как излагают хроникеры, отдавая приказ об экстренном выходе «С-13» на боевое дежурство, комдив Орел заявил: «Иди, Саша, и без победы не возвращайся. Иначе – не простят...».

А теперь немного анализа, проведенного с участием наших ветеранов, в прошлом служивших в морской контрразведке, а также командовавших подводными лодками и их соединениями.

Даже в условиях военного времени, командир корабля, к тому же один из самых опытных и результативных в соединении, за такой проступок мог быть подвергнут дисциплинарной, а, в крайнем случае, партийной ответственности.

Здесь же, судя по всему, события развивались более драматично. Мы, предполагаем, что ему, по всей видимости, инкриминировали вступление в связь с представителями иностранного государства, что категорически запрещалось.

При определенных условиях, это могло быть расценено как измена Родине. Вот почему Орел и сказал эти «эзоповы» слова «...без победы не возвращайся, иначе не простят». В них так и сквозит скрытый смысл.

Ну, а потом, в своем историческом выходе 13 января 1945 года, «С-13» и торпедировала лайнер «Вильгельм Густлов». Однако и после столь блистательной атаки, которая до основания потрясла Германию с ее высшим командованием, Маринеско не ушел с позиции и 9 февраля торпедировал военный транспорт «Генерал фон Штойбен», утопив 3600 фашистов. Этот факт также свидетельствует в пользу нашей версии.

Имеет право на существование она еще и потому, что в период ходовых и государственных испытаний ракетного крейсера «К- 450», в 1973 году, мне довелось близко знать ветерана-подводника из бригады, в котором служил Маринеско, старшину 1 статьи запаса Клавдия Павловича Шамина.

В то время он работал на Северном машиностроительном предприятии и руководил бригадой заводских специалистов, монтировавшей торпедный комплекс нашей «Мурены». Первым на предприятии Клавдий Павлович был награжден орденом «Октябрьской революции», которые в то время имели такие военачальники, как маршалы Г.К.Жуков и И.С. Конев. Ветеран пользовался глубоким уважением в коллективе СМП, а также экипажах строящихся ракетносоцев.

На одном из выходов в море, когда мы выполняли глубоководное погружение, на глубине 600 метров, в присутствии моих командира БЧ-3 капитан-лейтенанта С.И. Мыльников, старшины команды мичмана О.А.Ксенженко и старшего торпедиста мичмана А.И. Порубова, он подтвердил палдиский рассказ Лисина и поведал нам еще одну, довольно занимательную историю об Александре Ивановиче, свидетелем которой был сам.

В 1942 году «щука», на которой служил старшина 1 статьи Шамин и лодка «М-96», под командованием Маринеско, входили в состав бригады подплава, дислоцирующейся в Кронштадте. Уже в то время Александр Иванович считался одним из лучших командиров соединения и был награжден орденом «Ленина».

Однажды весной, «малютка», тогда еще капитан-лейтенанта Маринеско, вернулась из похода с принайтованным* к надстройке, шикарным автомобилем, как оказалось впоследствии, марки «Хорьх».

Выгрузившие его на пирс моряки лодки многозначительно помалкивали, а собравшиеся поглазеть на диковину зеваки с других кораблей, только хлопали глазами и удивлялись.

Когда Александр Иванович убыл с докладом к командованию, выяснилось, что во время патрулирования в заданном районе Финского залива, он обнаружил следующую в сторону Палдиски самоходную баржу с раскрепленным на корме этим самым автомобилем.

Поскольку тоннаж самоходки был небольшим, в целях экономии торпед, командир принял решение атаковать ее в надводном положении, для чего всплыл и открыл по удирающим фашистам огонь из единственной на «малютке» 45мм пушки и зенитного пулемета.

В ходе преследования, огрызающуюся огнем танкового орудия и МГ-34, фашистскую посудину измочалили вдрызг, но она не тонула. Когда же артиллерийская дуэль закончилась и лодка подошла к потерявшей ход барже, высадившаяся на нее штурмовая группа обнаружила валяющихся на палубе мертвых фашистов, а в трюме горы наваленного россыпью картофеля, который своей массой затыкал многочисленные пробоины в районе ватерлинии и не давал барже затонуть.

Расстрелянный артиллерийский запас командир решил компенсировать и приказал перегрузить на надстройку лодки, новенький лакированный «Хорьх», которого так и не дождался какой-то немецкий генерал. Затем «малютка» погрузилась и вернулась в базу.

Плененный «Хорьх» не пострадал за исключением шин, которые разорвало забортным давлением. Лодочные «духи» перебрали его двигатель, залатали шины и несколько дней браваый командир лихо разъезжал по Кронштадту, вызывая недовольство высокого начальства. Затем последовал приказ: «Отобрать! По рангу не положено!», и автомобиль конфисковали.

Рассказал нам Клавдий Павлович и фантастическую на первый взгляд историю, связанную с награждением Маринеско орденом Красного Знамени вместо Звезды Героя.

По официальной версии, после возвращения «С-13» из победоносного похода, командование бригады представило Маринеско к званию Героя Советского Союза, однако вышестоящее начальство его рапорт отклонило и наградило независимого командира с его экипаж орденами. Выглядит довольно правдоподобно.

А вот как изложил то, Клавдий Павлович Шамин.

После получения командованием сведений о потоплении Маринеско столь значимых целей, на пирс, для встречи лодки, прибыло не только высшее начальство Ленинградской военно-морской базы, но и представитель Ставки из Москвы, который по поручению И.В. Сталина должен был вручить капитану 3 ранга Звезду Героя.

Увидев на пирсе целую толпу штабных офицеров, Маринеско, отличавшийся склонностью к авантюрам, решил показать, «кто в доме хозяин», сыграв на корабле срочное погружение.

На виду у опешивших адмиралов и старших офицеров лодка легла на грунт и командир, поздравив экипаж с победой, угостил моряков спиртом и пайковым вином.

После того же, как «эска» всплыла и пришвартовалась к пустынному пирсу – впавшие в ярость начальники, во главе с представителем Ставки, умчались в штаб.

В результате Александр Иванович получил очередной «разнос», а после него орден Боевого Красного Знамени.

Хотя история выглядит фантастически, но в ней есть рациональное зерно. Проанализируем факты:

После первой торпедной атаки, погубившей весь цвет германской кригсмарине, фюрер впал в бешенство, что подтверждается расстрелом командира немецкого конвоя и отправкой

на восточный фронт целого ряда высокопоставленных офицеров, имевших отношение к обеспечению его безопасности.

Не могла весть о трагической гибели Перового лайнера Второго Рейха не попасть и в Кремль, в Ставку Верховного главнокомандующего, поскольку шведские, а за ними и германские газеты, раструбили ее по всей Европе. Об этом же, уверены, не преминули донести в Ставку и наши зафронтовые резидентуры.

Зная характер и манеру действий Сталина, можно с достаточно высокой вероятностью предположить, что он лично отдал приказ о награждении Маринеско Звездой Героя, с которой и прибыл в Кронштадт его «порученец». И в этом нет ничего удивительного, такие вещи за историю войны случались, военные историки это подтверждают.

Когда же лихой командир, не ведая, кто и с чем его встречает на пирсе, в очередной раз показал, что он «первый после Бога», ему дали понять, что это не так.

А могло быть и хуже, но, наверное, настроение у Иосифа Виссарионовича в ту ночь было благодушное, да и уважал он смелых людей. Сам в молодости был авантюристом. И кто в то время, да и потом, спустя многие годы после войны, мог поведать истинную правду о награждении Маринеско?

Чревато. Могли отправить и в бухту Ванина, в ГУЛАГ. Причем, запросто.

Вот и рассказывали его сослуживцы удобно обтекаемую историю, что породило череду мифов. Уверен, что где-то в архивах Гохрана или определенных ведомств, пылятся документальные материалы об этом факте, их время еще не пришло.

Для непосвященного эта история покажется досужим вымыслом, но, изучив все написанное о легендарном подводнике, я, лично, в нее верю. Как и в источники, откуда поступила информация.

А тем деятелям, что в «клубничных изданиях» и на сайтах Интернета размещают «правду» о Маринеско и других наших героях, умаляя их заслуги, хотелось бы дать совет: не трудитесь, не выйдет. И по одной простой причине: ваши псевдо факты почерпнуты на Западе, который до сих пор не может простить нам Победы, хотя и пожинает ее плоды.

А наши – здесь, от еще живых ветеранов и документальных источников. Так что не тратьте зря сил «собака лает – караван идет».

Когда на переходе в Гаджиево, после завершения государственных испытаний, в горле Белого и Баренцева морей мы расставались с нашими заводскими коллегами, с которыми очень сдружились, Клавдий Павлович подарил мне на память свой наградной жетон «Отличный торпедист».

Он и поныне хранится в семейном архиве, как память не только о нем, но и Герое Советского Союза, капитане 3 ранга Александре Александровиче Маринеско.

Самыми же интересным из необычной судьбы великого подводника оказались воспоминания Героя Советского Союза, старшины 1 статьи Дмитрия Дмитриевича Вонлярского, с которым он встретился в начале 50-х, да не где-нибудь, а в Колымских лагерях, куда после очередного зигзага судьбы, попал героический подводник.

В рассказе Дмитрий Дмитриевича сомневаться не приходится. Этот человек предельно объективен и точен в изложении фактов, которые ни разу не опровергали, даже знающие его маститые адмиралы и генералы. Вот, что он рассказал.

Осенью 1950 года на Колыме, в ИТК строгого режима с хитрым названием «Индия», куда Вонлярского под чужой фамилией этапировали для отбытия десятилетнего срока заключения за преступления, которых он не совершал, боевой старшина встретил Александра Ивановича Маринеско.

Тот был осужден на 5 лет по «бытовой статье» и работал в ней нарядчиком. Бывшие моряки «держали зону» и не давали в обиду своего старшего товарища, который пользовался заслуженным авторитетом даже у воров «в законе».

При всем этом, о своих подвигах в годы войны, разжалованный до старшего лейтенанта командир «С-13» никому не рассказывал, жалоб и прошений в вышестоящие инстанции не подавал, и что было у него на душе, никто не знал. Затем Вавилова – Вонлярского перевели на другой лагерный прииск и след Маринеско затерялся.

О данном отрезке жизненного пути Александра Ивановича знали многие его близкие друзья, которые упоминаются в мемуарах известных подводников и очерках военных журналистов. Но тогда об этом говорить было не принято. Их титаническими усилиями имя Маринеско было возвращено из небытия вместе с присвоением командиру спустя 45 лет после подвига, звания Героя Советского Союза.

Завершив свой рассказ, Дмитрий Дмитриевич задумался и, глядя на опущенные инеем ветки старых берез за окном, с расстановкой сказал, (привожу дословно).

«Вот ведь, как получается, ребята.

Дмитрий Донской разбил татар на Куликовом поле, и после этого на Руси возникло крепостное право. Затем Кутузов разбил французов под Бородино – получили еще более жестокий гнет.

Мы штурмом взяли Берлин, и по возвращению множество фронтовиков оказалась в Гулаге. А об остальных вспоминали только 9 Мая, заставляя оставшихся ветеранов шествовать на парадах перед трибунами партийной элиты. Что ж за страна у нас такая..?

Страшные своей правотой слова. Мы с еще одним товарищем, сидели и прятали глаза.

В этой связи я вспомнил аналогичные по смыслу слова другого Ветерана войны, писателя – фронтовика Виктора Петровича Астафьева, сказанные им всеми любимому народному артисту Георгию Жженову. Бывшему сидельцу того же лагеря, где побывал и Вонлярский, на их последней встрече в Овсянке, запечатленной в телевизионном репортаже и показанном в ночное время по нескольким телеканалам в 2005 и более поздних годах.

Они вели свой диалог в скромной квартире Астафьева, и на лицах старых друзей уже просматривалась печать потустороннего Мира. Вот его слова, завершившие беседу:

Жженков: « Знаешь, Виктор, я думаю, что сейчас единственное спасение России в Боге.

Астафьев: «По этому поводу, я тебе Жора, вот что скажу: мне кажется, в свое время Создатель собрал с других планет весь человеческий мусор и определил им для жительства Землю. Вот вам прекрасная планета, живите в любви и дружбе. Не послушали. Сразу же стали грабить, убивать и насиловать себе подобных. Видя такое, Творец ужаснулся и послал им Спасителя. Мы и его угрохали...»

Эти же мысли, после отказа правящей в России элиты прислушаться к его философскому трактату «Как нам обустроить Россию», высказал и писатель-фронтовик, прошедший школу ГУЛАГа, А.И. Солженицын.

Обратите внимание, как и судьбы, суть их высказываний едина. Пока не поздно, нужно возвращать все на «круги своя».

А знаменитую «С-13», которую до последнего отстаивали убеленные сединами адмиралы и последние моряки экипажа Маринеско, благодарные потомки отправили на слом. Очень уж прочный металл был – хорошие иголки получатся.

К сведению, немцы, своему « Вильгельму -Густлову», памятник в Киле поставили. Спасибо им, это памятник и «С-13».

Но не будем пессимистами, моряки поймут. Впервые, после лихолетья девяностых, наши надводные корабли и подводные ракетноносцы снова вышли в Мировой Океан. А с ними Маринеско...

Флот возрождается вновь.

А кто не понимает, во имя чего, пусть ознакомится с историческими хрониками Петра Великого и его высказыванием на этот счет. И все станет ясно.

Полицай

Осенью 1992 года я решил немного очистить от хлама свою усадьбу, которую приобрел по случаю весной. На ней в ту пору находилась ветхая изба с крытым двором и несколькими старыми яблонями, на которых вызрели удивительно вкусные и красивые плоды, неизвестного мне сорта.

В конце усадьбы росла красавица ель, которую я решил не трогать, а дальше располагался многочисленный хлам, накопившийся наверное еще со времен войны – колья с прибитой к ним ключей проволокой, какие-то деревянные обломки и ящики.

Сложив все с максимальной компактностью, мы с жившем у меня местным бомжем Юркой, подожгли хлам и стали подбрасывать в ревущее пламя все остальное, что было разбросано на усадьбе.

Громадный костер горел до самой темноты, а утром, когда мы встали, на месте костра обнаружили огромный сгоревший муравейник.

Мурашей было жаль, если бы мы знали, что они здесь живут, наверняка бы перетащили мусор в другое место. Но что делать: что случилось, то случилось.

Обходя муравейник по периметру, и тыча лопатой в землю, я внезапно обнаружил с одной его стороны какую-то щель – лопата провалилась на всю длину и внизу что-то звякнуло.

Юрка лег рядом с муравейником, засунул руку в эту щель и извлек поочередно: русскую каску с пробоиной в районе виска, берцовую человеческую кость и забитую землей крынку. Когда я вытряхнул из нее землю, в ней что – то блеснуло. Оказалось перстень с голубоватым камешком. Резанули им по куску стекла – кусок развалился.

Присели под сосну, закурили, стали размышлять. Для начала вспомнили, кто во время войны жил в моей избе. Как рассказывали престарелые соседи, обитал в ней начальник местной полиции, отличавшийся рвением к услужению своим новым хозяевам. Лично организовывал облавы, принимал активное участие в расстрелах советских граждан и отправке их в Германию, занимался грабежами.

С учетом находок картина вырисовывается следующая.

Когда наши войска с боями оставляли Оленино, в стрелковой ячейке, расположенной на моей усадьбе был убит или смертельно ранен красноармеец. Заняв райцентр, немцы расквартировались в приглянувшихся им домах. А мою избу занял начальник полиции. Участвуя в карательных акциях, он награбил определенное количество украшений из золота и серебра, которые хранил в крынке в стрелковой ячейке, ставшей могилой для нашего солдата. Место действительно надежное.

Когда же под ударами наших войск пришлось оставлять Оленино, он взял из своего схрона все, что было в крынке, но впопыхах оставил эту самую безделушку.

Носила его молоденькая девушка или женщина – очень уж размер невелик, для хрупкой руки. И как снимался перстень с пальца, одному Богу известно.

Убрав муравейник, мы вынули из ячейки практически всю землю, но никаких останков солдата больше не обнаружили. Все по-видимому, убрали мураши.

Берцовую кость схоронили под сосной, а перстенок я увез в Москву. Храню его поныне, как память о войне.

«ТТ»

Осенью 1943 года, после освобождения Донбасса, мой дядя, старшина-танкист Алексей Леонтьевич Ковалев, заехал погостить на несколько дней к родителям.

Отпуск, помимо ордена Отечественной войны, ему дали в качестве поощрения за бои на Курской дуге, где командуя тридцатьчетверкой, он сжег несколько фашистских танков.

К тому времени, некогда большая семья моего деда сильно поредела. Дядя Володя погиб при форсировании Днепра, дядя Вася при восстановлении затопленной немцами шахты, отец воевал где-то в Польше и не подавал о себе вестей. Вместе с родителями оставались только младшие дети-подростки дядя Женя и тетя Рая.

Вручив родне незамысловатые подарки, помянув братьев и отгуляв отпуск, дядя вернулся в часть. А перед этим, по настойчивой просьбе младшего братишки, сходил вместе с ним в близлежащую Мазуровскую балку, где дал пострелять тому из привезенного с фронта «ТТ». После этого почистил его и, погрузив в банку с солидолом, закопал пистолет в обширном дедовском саду. Где точно, любознательному Женьке увидеть не довелось, старший брат выдворил его на улицу.

После окончания войны, вернувшись домой, дядя Алексей вскоре умер от ран, отец мой в это время попал в лагеря «Дальстроя», семья деда, как и все после войны, жила бедно и тяжело, и эта история забылась.

Прошло некоторое время, и она всплыла в одном из разговоров дяди Жени и отца, в день Победы, при котором я присутствовал. Было мне тогда лет пятнадцать. Как все пацаны тех лет, я очень интересовался оружием и сразу же предпринял попытку разыскать пистолет, для чего вооружившись собственноручно изготовленным металлическим шупом, несколько дней тщательно исследовал весь обширный дедовский сад, но ничего не обнаружил.

Затем были Флот, учеба в Москве и служба на Севере. Как говорят моряки «большой круг», приведший меня в свое время на несколько лет в родные края.

Многочисленный когда-то наш род Ковалевых-Ануфриевых, к тому времени еще больше поредел: один за другим умерли деды и бабки, понемногу спивался последний из оставшихся в живых братьев отца – дядя Женя, который одиноко жил в приходящем в упадок доме бабушки.

В один из летних вечеров, когда я по пути из Луганска заехал с ночевкой к родителям, мы, как водится, засиделись с отцом допоздна в летней кухне и за графином домашнего вина разговорились о войне. Последние годы жизни старый солдат все чаще вспоминал ее и рассказывал мне многое из того, о чем раньше молчал. Помянули всех не вернувшихся с фронта братьев отца и мамы.

И снова вспомнилась та история с отпуском дяди Алексея.

– Так может «ТТ» до сих пор там, в саду и стоит его поискать? – поинтересовался я.

– Вряд ли, – ответил отец, – сколько времени прошло, его давно ржа съела.

Но я решил все-таки еще раз заняться поисками, тем более, что в наш ГОВД накануне поступила новая криминалистическая техника и в том числе мощные металлоискатели.

Сообщил об этом отцу – возражений не было.

В очередное воскресенье я приехал к родителям утром на автомобиле, в багажнике которого лежал упакованный в специальный чехол металлоискатель. Накануне тщательно изучил инструкцию по его применению и был уверен, если история, рассказанная дядей Женей правда, пистолет или то, что от него осталось, мы обязательно разыщем.

Позавтракав, идем на усадьбу деда. Она расположена на той же улице, неподалеку от дома отца за высоким забором с массивными воротами и виднеющимся в глубине двора каменным домом.

Старый сад, засаженный рядами фруктовых деревьев самых разных пород, находится за домом и вместе с виноградником занимает обширное пространство, уходя в степь. Дядя Женя за ним не ухаживает, но посадки исправно плодоносят, поскольку земля под ними на добрый метр обильно унавожена покойным дедом, всю жизнь державшим коров и другую живность.

Присаживаемся на деревянную скамью, врытую в центре сада у «копанки» с позеленевшей водой, закуриваем, и я собираю свою технику. Затем проверяю ее, нацепив на голову наушники и манипулируя кнопками пульта управления. Можно работать.

Разбиваем сад на сектора и начинаем поиск непосредственно от задней стены дома и примыкающих к ней надворных построек – гаража и коровника. Отец относится к моим действиям скептически, но не мешает.

Первое, что нахожу под одной из громадных груш – моих любимиц, в начале сада, оказывается ствол от старого дробовика. Когда я выворачиваю его лопатой из податливой земли и передаю отцу, тот сообщает, что это ствол от его первой довоенной «тулки».

– Ну вот, а ты говорил, что за это время все сгнило. Если есть «токарев», то и его найдем! – радостно заявляю я, снова одевая наушники.

Родитель явно оживляется, отбирает у меня лопату со щупом и теперь уже более активно включается в поиск. Чего мы тогда только не нашли в слое садового чернозема: отлично сохранившуюся немецкую каску, из которой со слов отца дед кормил после войны своего любимого пса Додика; стабилизатор от противопехотной мины, какие-то трубы, подковы и другой металлический хлам. До обеда «прошмонали» практически весь сад. Пистолета не было.

Мы еще раз перекурили и напоследок решили обследовать землю вокруг одиноко растущей за садом метрах в двадцати на меже старой яблони – дички, густо усыпанной красивыми, но несъедобными плодами.

– Эту яблоньку лет за пять до войны Алексей сажал, – внезапно вспомнил отец, притащил откуда-то и посадил, мы еще смеялись потом, что дичком оказалась.

У ее корней, на глубине полуметра, мы и обнаружили полуистлевшую в земле жестяную банку с окаменевшим солидолом, в котором был утоплен «ТТ» с двумя запасными обоймами. Сохранился он прекрасно, даже воронение не потускнело.

Долго молча сидели у копанки, рассматривая находку. Отец привычно разобрал пистолет, протер его носовым платком, собрал и проверил. Все четко работало.

– Ну и зачем он тебе?

– На память, о дяде Алеше.

– Держи.

Протянул мне согретое в его руке оружие...

Теперь нет и отца. А дядин «ТТ», который он привез с фронта, как и другие военные реликвии нашего рода, я храню. На родине, в старом Донбассе, в надежном месте. Только патронов к нему стало меньше – проверял как-то бой. Отличный.

Сын полка

Мало кто сейчас из подрастающего поколения читал повесть Валентина Катаева «Сын полка» о юном солдате Великой Отечественной Ване Солнцева. Предпочитают западного Гарри Поттера. Но это наносное, до поры до времени, уверен, пройдет. Отечественная героика той Войны вечна и понемногу восстанавливается.

В смутное время конца девяностых мне довелось познакомиться с человеком, прошедшим в тринадцатилетнем возрасте в составе стрелкового полка боевой путь от Ржева до Кенигсберга.

Звали его Николай Михайлович Цветков, или по местному Михалыч.

В то время он был на пенсии, отшоферив три десятка лет, пережил два инфаркта, но бодро трудился на своей обширной усадьбе, задами примыкавшей к моей тогдашней даче в районе Оленино Тверской области.

При знакомстве, как водится, немного выпили и с учетом наличия множества следов войны на моем запущенном участке, разговорились о страшном лихолетье, пронесшимся по этим местам в начале сороковых годов. Поведал тогда Михалыч мне немало. А когда узнал, что интересуюсь историей Великой Отечественной и различными военными раритетами, подарил

мне чашку из сервиза якобы коменданта Кенигсберга, который он привез с фронта в 1945 в числе других трофеев.

Чашка необычно тяжелая, изготовлена из белого звонкого фарфора с витиеватой готической надписью «Тиргартен» на боку, имперским клеймом с орлом, и местом изготовления на донце – Кенигсберг, 1934.

К слову, остальной сервиз, более чем из двух десятков предметов, бесхозно валялся у него на чердаке избы и считался хламом. Когда я сказал, что теперь это историческая ценность, Михалыч махнул рукой и предложил мне забрать его весь. Но за повседневными заботами я об этом забыл, а вскоре старого солдата не стало.

Но в памяти осталась история о войне, которую он видел глазами мальчишки. Вот она. Передаю от первого лица.

Родом я из Оленино, и до войны с родителями жил на этом же месте, что и сейчас.

С ее началом, в июле 41-го отца забрали в армию, и он пропал без вести, ни одного письма от него мы так и не получили. Затем в наших местах начались страшные бои и мать, работавшая председателем сельсовета, вместе с другими партийцами ушла в лес, в один из организовавшихся тогда партизанских отрядов. Меня оставила на попечение бабки.

Обороняла Оленино и прилегающие к нему районы стрелковая дивизия генерала Горбачева. Весь ее штаб, во главе с командиром и многие бойцы сейчас похоронены в центре поселка, ты, наверное, видел мемориал. А многие и сейчас лежат по лесам да болотам, каждый год находят.

До сих пор помню этих солдат. Изможденные, в истрепанных шинелях, вооруженные трехлинейками и... в лаптях. Да, да, именно в лаптях. Ведь воевали они практически в окружении, подвоза боеприпасов, питания и обмундирования почти не было. Питались, как придется. Лапти из лыка им плели деревенские старики и мы, огольцы, помогали.

Ну, так вот. Когда эту дивизию и другие советские части, воевавшие в наших местах немцы разбили, от поселка и окрестных деревень мало чего осталось. Все было разрушено и сожжено, только трубы торчали на пепелищах. Ютились мы в землянках да погребках, у кого они были.

Я дружил с двумя своими одногодками Славкой Волковым и Ванькой Прохоровым. Была еще девчушка Ира Болотникова, но ее убило авиабомбой при одном из налетов.

Когда наши части отступили, на окраинах и в окрестностях поселка осталось множество окопов, огневых точек и блиндажей с разным военным скарбом. Вот мы там и шарили. То заплесневелые сухари или крупу найдем, то у павшей лошади ногу отрубим, сварим в лесу на костерке и тем живы. Еще по карманам убитых красноармейцев шарили – махорку и спички искали, наших солдат немцы не хоронили. Так и лежали они, где смерть застала.

Худо-бедно, дожили до марта 1943, когда наши войска вновь перешли в наступление и освободили Горьковскую область. Бои были страшные, остатки райцентра несколько раз переходили из рук в руки, убитых с обеих сторон было не меряно.

Мы с друзьями к тому времени совсем одичали. Ходили в рванье, питались чем придется, иногда приворовывая у немцев, которых ненавидели и боялись. Бабка моя от голода померла, и мы похоронили ее в саду, в воронке от снаряда.

О матери моей ничего не было слышно, хотя незадолго до отступления немцев, по ночам в окрестные деревни стали наведываться партизаны. Сам я их не видел, но люди рассказывали, что забирали они у крестьян последнюю живность и продукты, которые удалось сберечь от немцев и больше прятались в лесах, чем воевали. И люди отдавали последнее, куда денешься, убьют, хоть и свои, тогда с этим было просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.